

ФРИДРИХ НИЦШЕ

“АНТИХРИСТ”

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
1.....	4
2.....	4
3.....	5
4.....	5
5.....	6
6.....	6
7.....	7
8.....	9
9.....	9
10.....	10
11.....	11
12.....	11
13.....	12
14.....	12
15.....	13
16.....	14
17.....	15
18.....	16
19.....	16
20.....	17
22.....	19
23.....	19
24.....	21
25.....	22
26.....	23
27.....	25
28.....	26
29.....	26
30.....	27
31.....	28
32.....	29
33.....	30
34.....	31
35.....	32
36.....	32
37.....	33
38.....	33
39.....	34
40.....	35

41.....	36
42.....	37
43.....	38
44.....	39
45.....	40
46.....	42
47.....	43
48.....	44
49.....	45
50.....	45
51.....	46
52.....	47
53.....	48
54.....	49
55.....	50
56.....	52
57.....	52
58.....	55
59.....	57
60.....	58
61.....	58
62.....	59

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это книга для совсем немногих. Возможно, ни одного из них еще вовсе нет на свете. Быть может, они — те, что понимают моего Заратустру¹; так как же смешивать мне себя с теми, кого и сегодня уже слышат уши?.. Мой день — послезавтрашний; некоторые люди рождаются на свет «посмертно».

Условия, при которых меня можно понимать, — а тогда уж понимать с неизбежностью, — мне они известны досконально, доподлинно. Необходима в делах духа честность и неподкупность, и необходимо закалиться в них, — иначе не выдержишь суровый накал моей страсти. Нужно свыкнуться с жизнью на вершинах гор, — чтобы глубоко под тобой разносилась жалкая болтовня о политике, об эгоизме народов. Нужно сделаться равнодушным и не задаваться вопросом о том, есть ли польза от истины, не окажется ли она роковой для тебя... Нужно, как то свойственно сильному, отдавать предпочтение вопросам, которые в наши дни никто не осмеливается ставить; необходимо мужество, чтобы вступать в область запретного; необходима предопределенность — к тому, чтобы существовать в лабиринте². И семикратный опыт одиночества³. И новые уши для новой музыки. И новые глаза — способные разглядеть наиотдаленнейшее. Новая совесть, чтобы расслышать истины, прежде немотствовавшие. И готовность вести свое дело в монументальном стиле — держать в узде энергию вдохновения... Почитать себя самого; любить себя самого; быть безусловно свободным в отношении себя самого.

Вот кто мои читатели, читатели настоящие, читатели согласно предопределению; что проку от остальных?.. Остальные — всего лишь человечество... Нужно превзойти человечество силой, высотой души — превзойти его презрением...

Фридрих Ницше

¹ Заратустра (Заратуштра) — речь идет не о реформаторе иранской религии (время его жизни относят предположительно к VII— I-й половине VI вв. до н.э.), создавшем дуалистическое учение о вечной борьбе доброго и злого начала (Ахурамазда и Анхра-Майнью), а о герое книги Ницше «Так говорил Заратустра», то есть о пророке «вечного возвращения» и «сверхчеловека», «сокрушителе скрижалей» всех существующих моральных ценностей.

² Лабиринт — в античной мифологии построенное Дедалом по приказу царя Миноса сооружение со сложным и запутанным планом, в котором был скрыт от глаз смертных чудовищный человекобык Минотавр. Его убивает герой Тесей, который выбирается затем из Лабиринта с помощью «нити Ариадны». Во многих произведениях Ницше встречаются связанные друг с другом образы Лабиринта, Тесея, Ариадны и Диониса, справляющего свадьбу с Ариадной после того, как она была оставлена Тесеем на острове Наксос. Эти образы использовались Ницше для символической передачи главных идей его учения (Тесей — «высший человек», не выполняющий своего назначения; «сверхчеловек» как порождение брака Диониса и Ариадны и т. д.). В то же время они имели для Ницше и личный смысл. Так, Ариадна ассоциировалась с Козимой Вагнер, свои последние — уже полубезумные — письма он подписывал «Дионис».

³ Семикратный опыт одиночества — опыт семи одиночеств — переосмысленный Ницше образ из Апокалипсиса — «И когда он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе...» (Откр. 8:1). Подобно тому как агнец снимает с книги Откровения все семь печатей, так и Заратустра, сняв шесть из них, готовится к тому, чтобы в одиночестве снять оставшуюся седьмую печать. Поэтическая разработка данного образа — в стихотворении Ницше «Знаки огня».

Взглянем в лицо самим себе. Мы гиперборейцы⁴ — мы хорошо знаем, как далеко в стороне живем. «Ни по земле, ни по воде не найдешь ты пути к гиперборейцам» — это еще Пиндару было известно о нас. По ту сторону Севера, льда, смерти — там живем, там наше счастье... Мы открыли счастье, мы ведаем путь, мы вышли из лабиринта тысячелетий. Кто еще-то его нашел? Уж не «современный» ли человек?.. «Я в безысходности, я — это Все, что пребывает в полнейшей безысходности», — вздыхает современный человек⁵ ... Такой «современностью» мы переболели — худым миром, трусливыми компромиссами, добродетельной нечистотой современных утверждений и отрицаний, Да и Нет. Терпимость, *largeur* (Широта, великодушие (фр.)) сердца — все «понимать», все «прощать» — это для нас сирокко. Лучше жить во льдах, чем среди современных добродетелей и прочих южных ветров!.. Мы были весьма мужественны, не щадили ни себя, ни других — но мы вовсе не знали, куда податься с нашим мужеством. Нами овладела мрачность, нас стали называть фаталистами. Наш фатум — он был полнотою сил, их напряжением, их напором. Мы жаждали молний и подвигов, куда как далеко от нас было счастье немощных — «покорность»... В воздухе запахло грозой, природа, — а это мы сами, — покрылась тьмою — ибо не было у нас пути. Формула нашего счастья: Да, Нет, прямая линия, цель...

2

Что хорошо? — Все, от чего возрастает в человеке чувство силы, воля к власти, могущество.

Что дурно? — Все, что идет от слабости.

Что счастье? — Чувство возрастающей силы, власти, чувство, что преодолено новое препятствие.

⁴ Гиперборейцы, или гипербореи — мифический народ, живущий в волшебной стране на далеком Севере, за пределами царства северного ветра Борея (отсюда название). Гипербореи живут при свете вечного дня, в блаженстве, не зная ни болезни, ни смерти, проводя свою жизнь в песнопениях и танцах среди священных полей и лесов. Это царство Аполлона, в котором он проводит зимние месяцы. В поздних трудах Ницше уже нет прежнего противопоставления аполлоновского и дионисийского начал; теперь именем Дионис обозначается мироощущение, включающее в себя оба эти начала. Идеализированная архаическая Греция противопоставляется христианству.

⁵ Современный человек. Гневные обличения Ницше направлены против всей современности, рождающей «последнего человека»: «презреннейшего человека, который уже не сможет презирать себя», который все делает мелким, живет «маленькими удовольствиями» стадного животного. Современники — жители «страны культуры», позаимствовавшие у всех народов и эпох разнородные идеалы и ценности. «Все времена и народы, разноцветные, смотрят из-под покровов ваших: все обычаи и верования говорят беспорядочно в жестах ваших. Если бы кто совлек с вас одеяния и покровы, краски и жесты: у него осталось бы ровно столько, чтобы пугать птиц» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Спб., 1913, с. 146).

Не удовлетворяться, нет,— больше силы, больше власти! Не мир — война; не добродетель, а доблесть (добродетель в стиле Ренессанса, *virtù*⁶, — без примеси моралина).

Пусть гибнут слабые и уродливые — первая заповедь нашего человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть.

Что вреднее любого порока? — Сострадать слабым и калекам — христианство...

3

Проблема, что я ставлю, не в том, кто сменит человека в ряду живых существ (человек — конец), а в том, какой тип человека надлежит возвращать, какой наиболее высокоценен, более других достоин жизни, какому принадлежит будущее⁷.

Такой высокоценный тип в прошлом нередко существовал на земле — но как счастливый, исключительный случай и никогда — согласно воле. Напротив, его более всего боялись, он, скорее, внушал ужас, и страх заставлял желать, возвращать и выводить обратное ему — домашнее, стадное животное, больное человеческое животное — христианина...

4

Человечество не развивается в направлении лучшего, высшего, более сильного — в том смысле, как думают сегодня. «Прогресс» — это просто современная, то есть ложная, идея. Европейец наших дней по своей ценности несравненно ниже

⁶ Добродетель в стиле Ренессанса, *virtù*. Ницше отождествлял ренессансное понимание добродетели с ее трактовкой в греческой архаике («калокагатия»), когда между «добрым» и «прекрасным», моральным и эстетическим отсутствовала четкая граница. Прекрасное лицо или телосложение могло считаться свидетельством прекрасной души. Только с Сократа, по мнению Ницше, моральные ценности были противопоставлены «жизни», которая в результате была обесценена. Произошло «удвоение мира», появилось трансцендентное царство ценностей. Но становление «невинно», оно «стоит по ту сторону добра и зла», а потому и добродетель должна быть без «моралина». Добродетелью становится самоутверждение жизни, воля к власти.

⁷ Учение Ницше о воле к власти, непрерывной «войне» в природе и обществе возникло под несомненным влиянием эволюционизма Ламарка и Дарвина. Концепция «сверхчеловека» и мораль, гласящая: «падающего — толкни», многими чертами напоминают социал-дарвинистскую теорию второй половины XIX в. Вместе с тем Ницше неоднократно указывал на свои расхождения с концепцией «естественного отбора» и вообще отрицал наличие эволюции в живой природе. Тем более неприемлемой была для него доктрина общественного прогресса. Ни в природе, ни в обществе, с точки зрения Ницше, нет «естественного отбора» лучших и сильнейших («Не нужно путать природу с Мальтусом», — писал он в «Сумерках кумиров»). «Естественный отбор» способствует не «лучшим», а «наихудшим», «стаду», которое умеет приспособливаться, побеждает большим числом, хитростью. «Высшие люди» — всегда счастливые исключения, а не результат эволюции.

европейца Ренессанса; поступательное развитие отнюдь не влечет за собой непременно возрастания, возвышения, умножения сил.

В ином отношении отдельные удачные феномены беспрестанно появляются — в разных частях света и на почве самых различных культур; в них действительно воплощен высший тип человека — своего рода сверхчеловек в пропорции к человечеству в целом. Такие счастливые случаи были возможны и, вероятно, будут возможны всегда. Даже целые поколения, племена, народы могут быть при известных обстоятельствах таким точным попаданием.

5

Нечего приукрашивать христианство — оно вело борьбу не на жизнь, а на смерть с высшим типом человека, оно предало анафеме все основные его инстинкты и извлекло из них зло — лукавого в чистом виде: сильный человек — типичный отверженец, «порочный» человек. Христианство принимало сторону всего слабого, низкого, уродливого; свой идеал оно составило по противоположности инстинктам сохранения жизни, жизни в силе; христианство погубило разум даже самых сильных духом натур, научив чувствовать заблуждение, искушение, греховность в самых высших ценностях духовного. Самый прискорбный случай — Паскаль⁸, испорченный верой в то, что разум его испорчен первородным грехом, тогда как испорчен он был лишь христианством!..

6

Предо мною ужасное, тягостное зрелище: я откинул занавес, скрывавший человеческую порчу. Слово это, когда произношу его я не заподозрят хотя бы в одном — в том, что оно содержит моральное обвинение человечества. Еще раз подчеркну: в моих словах нет моралина, до такой степени нет, что порчу сильнее всего чувствую я там, где до сих пор сознательнее всего чают «добродетельного» и «богоугодного». Порча — вы уже догадываетесь — это для меня *décadence*⁹. Мое

⁸ Паскаль. Отношение к великому французскому ученому и философу Блезу Паскалю (1623—1662) было у Ницше двойственным. Несомненно влияние на него французских моралистов XVII в., в том числе и Паскаля, особенно в понимании человеческой психологии. Ницше писал, что Паскаль умер слишком рано, «чтобы иметь возможность из глубины своей великолепной и горестной души осмеять христианство, как он успел осмеять иезуитов». Предсказание вряд ли точное, живи Паскаль дольше, он скорее всего закончил бы свою «Апологию христианства». Паскаль был для Ницше и примером того, как христианство «сворачивает» высших людей, делает их «декадентами». Паскаль, писавший о человеческом «ничтожестве», о «порче» всей человеческой природы в результате грехопадения, искупаемой лишь благодатью, является очевидным оппонентом Ницше, а потому он заявляет о «порче» разума самого Паскаля христианством. Подробнее он писал о Паскале в книге «По ту сторону добра и зла», перед созданием которой внимательно изучал как произведения Паскаля, так и исследование Сент-Бёва «Пор-Рояль», в котором подробно излагается биография французского мыслителя.

⁹ Декаданс понимается Ницше не только как совокупность явлений в культуре конца XIX в. Литературно-художественный декаданс сам является порождением нигилизма, умственного и физического вырождения «высших людей» европейской цивилизации. Декаданс — это победа слабых над сильными, триумф

утверждение состоит в том, что ценности, в какие современное человечество вкладывает максимум желательного для себя,— это ценности *décadence*'а.

Животное, целый животный вид, отдельная особь в моих глазах испорчены, если утратили свои инстинкты, если вредное для себя предпочитают полезному. История «высших чувств», «идеалов человечества», — возможно, мне придется рассказать ее, — вероятно, почти все объяснила бы в том, почему человек так испорчен. Жизнь для меня тождественна инстинкту роста, власти, накопления сил, упрямого существования; если отсутствует воля к власти¹⁰, существо деградирует. Утверждаю, что воля к власти отсутствует во всех высших ценностях человечества, — узурпировав самые святые имена, господствуют ценности губительной деградации, ценности нигилистические.

7

Христианство называют религией сострадания... Сострадание противоположно аффектам тонуса, повышающим энергию жизненного чувства, — оно воздействует угнетающе. Сострадая, слабеешь. Сострадание во много крат увеличивает потери в силе, страдания и без того дорого обходятся. Сострадание разносит заразу страдания¹¹ — при известных обстоятельствах состраданием может достигаться такая совокупная потеря жизни, жизненной энергии, что она становится абсурдно диспропорциональной кванту причины (пример: смерть назарянина). Вот одно соображение, а есть и другое, более важное. Если предположить, что сострадание измеряется ценностью вызываемых им реакций, то жизнеопасный характер его

«рабской морали», умерщвление воли, хаотическая спутанность инстинктов и страстей. Вместо того чтобы действовать, декадент, жертва излишней чувствительности, стремится избавиться от страданий в опьянении или с помощью наркотиков; но страдания могут уменьшать и «искусство для искусства», и социальные реформы. В мстительной злобе декадент становится анархистом, разрушителем общества.

¹⁰ Воля к власти — центральное понятие ницшеанства. Пытаясь свести различные качественные состояния психики (инстинкты, эмоции, интеллект и т. д.) к какому-то единому основанию, Ницше приходит к понятию «воля к власти». Сила импульсов, то есть количественные различия, лежит в основе качественных различий. В деятельности великого полководца, в творчестве художника или ученого воля к власти максимальна, поскольку здесь предельно выражены самообладание, самопреодоление. Власть над собою выше, чем власть над другими. От психологической трактовки воли к власти Ницше переходит к онтологической ее интерпретации. Весь космос понимается им как непрерывная борьба «квантов власти», каждый из которых стремится к господству над всеми остальными, желает стать организующим центром всего мира. Социальные по сути своей отношения господства и подчинения переносятся на весь мир, тогда как собственно социальный мир понимается как вечная война соперничающих волей.

¹¹ Противопоставление страдания и сострадания является одним из центральных положений Ницше. Страдание способствует самопреодолению (*Selbstüberwindung*), росту власти над самим собой; высшее здоровье заключается в способности преодолевать болезнь и боль. Сострадание, напротив, расслабляет, уменьшает «волю к власти». Ср.: «Ах, где в мире совершались большие безумства, чем у сострадательных? И что в мире причиняло большие страдания, чем безумства сострадательных? Горе всем любящим, еще не достигшим такой высоты, которая выше сострадания их! Так говорил мне однажды дьявол: «даже у бога есть ад свой: это любовь его к людям». А недавно слышал я, как говорил он: «Бог умер, из-за сострадания к людям умер бог» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра, с. 113). Христианство есть религия милосердия, сострадания; собственное дионисийство Ницше провозглашает религией страдания и жизнеутверждения («великого Да жизни»).

выступает с еще большей ясностью. В целом сострадание парализует закон развития — закон селекции. Оно поддерживает жизнь в том, что созрело для гибели, оно борется с жизнью в пользу обездоленных и осужденных ею, а множество всевозможных уродств, в каких длит оно жизнь, придает мрачную двусмысленность самой жизни. Люди отважились назвать сострадание добродетелью (для любой благородной морали сострадание — слабость), однако пошли и дальше, превратив сострадание в главную добродетель, в почву и источник всех иных,— правда, нельзя забывать, что так это выглядит с позиции нигилистической философии, начертавшей на своем щите отрицание жизни. Шопенгауэр¹² был по-своему прав: сострадание отрицает жизнь, делает ее достойной отрицания, сострадание — это практический нигилизм¹³. Скажу еще раз: этот депрессивный, заразный инстинкт парализует инстинкты, направленные на сохранение жизни, на повышение ее ценности,— он бережет и множит всяческое убожество, а потому выступает как главное орудие, ускоряющее *décadence*. Сострадание — это проповедь Ничто!.. Но только не говорят — «Ничто», а вместо этого говорят — «мир иной», «бог», «подлинная жизнь», или нирвана, искупление, блаженство... Эта невинная риторика из сферы религиозно-моральной идиосинкразии выглядит далеко не столь невинной, когда начинаешь понимать, какая тенденция маскируется возвышенными словами — враждебность жизни. Шопенгауэр был врагом жизни, а потому сострадание сделалось для него добродетелью... Аристотель, как известно, видел в сострадании болезненное, опасное состояние, когда время от времени полезно прибегать к слабительному: трагедию он понимал как такое слабительное. Ради инстинкта жизни следовало бы на деле искать средство нанести удар по такому опасному, болезнетворному скоплению сострадания, как в случае Шопенгауэра (и, к сожалению, всего нашего литературно-художественного *décadence*'а от Санкт-Петербурга до Парижа, от Толстого до Вагнера), — нанести удар, чтоб оно лопнуло... Нет ничего менее здорового во всей нашей нездоровой современности, чем христианское сострадание. Тут-то послужить врачом, неуступчивым, со скальпелем в руках, —

¹² Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ, создатель учения о «мире как воле и представлении». Учение о темной, иррациональной «мировой воле» послужило важнейшим источником понятия «воля к власти» Ницше. Однако Ницше радикально изменил как трактовку воли (не «воля к жизни», а «воля к власти», не единая мировая воля, а плюрализм волей), так и всю совокупность социально-этических выводов из этого учения. Шопенгауэр с его пессимизмом, пониманием жизни как мира страдания, отречение от которого — цель философа, становится для Ницше образцом «пассивного нигилизма», «европейского буддизма»; этика сострадания Шопенгауэра подвергается резкой критике наряду с христианской этикой милосердия.

¹³ Нигилизм. Термин «нигилизм» Ницше позаимствовал у французского писателя Поля Бурже, который в свою очередь взял его у Тургенева. У Ницше «нигилизм» обозначает потерю всех ценностей, ведущую к декадансу, вырождению человечества. Нигилизм (от лат. nihil — ничто) ведет к потере смысла существования: «Высшие ценности обесцениваются. Нет цели, нет ответа на вопрос: «Зачем?»» (Ницше Ф. Воля к власти, 11, 43). Ницше начинает историю европейского нигилизма с идеалистической философии Сократа и Платона, в которой над дионисийским становлением жизни возвысился мир идей; христианство («платонизм для стада») ведет к дальнейшему обесцениванию жизни, а тем самым подготавливает полную утрату смысла жизни. Христианство постепенно разлагается («Бог умер»), а вместе с ним исчезают и все оторванные от мира ценности. «Пассивному нигилизму» (философия Шопенгауэра, декаданс, «европейский буддизм») Ницше противопоставляет собственный «активный нигилизм», то есть деятельное отрицание всех прежних ценностей и утверждение новых, «жизненных ценностей» — «воли к власти», «вечного возвращения», «сверхчеловека».

наша обязанность, наш способ любить людей, благодаря этому мы, гиперборейцы, становимся философами!..

8

Необходимо сказать, кого мы считаем своей противоположностью, — богословов и всех, в ком течет богословская кровь, — всю нашу философию... Надо вблизи увидеть эту фатальность, а лучше пережить ее самому и разве что не погибнуть от нее, чтобы уж вовсе не понимать тут шуток (вольнодумство господ естествоиспытателей и физиологов в моих глазах только шутка, им в этих материях недостает страсти, им недостает страдания). Зараза распространилась дальше, чем думают: богословский инстинкт «высокомерия» я обнаруживал везде, где люди в наши дни ощущают себя «идеалистами» и в силу высшего своего происхождения присваивают себе право глядеть на действительность неприязненно и свысока. Идеалист что жрец, все высокие понятия у него на руках (да и не только на руках!), он с благожелательным презрением кроет ими и «рассудок», и «чувства», и «почести», и «благополучие», и «науку»: все это ниже его, все это вред и соблазн, над которыми в неприступном для-себя-бытии парит «дух»... Как если бы смирение, целомудренность, бедность, одним словом, святость не причинили жизни вреда куда большего, чем самые ужасные извращения и пороки... Чистый дух — чистая ложь... Пока признается существом высшего порядка жрец, этот клеветник, отрицатель и отравитель жизни по долгу службы, не будет ответа на вопрос: что есть истина? Если истину защищает адвокат отрицания и небытия, она уже вывернута наизнанку...

9

Объявляю войну инстинкту теолога: след его обнаруживаю повсюду. У кого в жилах течет богословская кровь, тот ни на что не способен смотреть прямо и честно. На такой почве развивается пафос, именуемый верой: раз и навсегда зажмурил глаза, не видишь себя и уже не смущаешься своей неизлечимой лживостью. Из дефектов зрения выводят мораль, добродетель, святость; чистую совесть ставят в зависимость от ложного видения, требуют, чтобы никакой иной способ видения не признавался, — свой же собственный назвали «искуплением», «вечностью», «богом» и объявили священным. Но я везде докапывался до богословского инстинкта — до этой самой распространенной, по-настоящему «подпольной» формы лживости, какая только есть на свете. Если для богослова что-то истинно, значит, это ложь — вот вам, пожалуйста, критерий истины Самый глубокий инстинкт самосохранения воспрещает богослову чтить или хотя бы учитывать реальность — ив самом малом. Куда только простирается его влияние, всюду извращены ценностные суждения, а понятия «истинного» и «ложного» непременно вывернуты наизнанку: самое вредное для жизни называется «истинным», то же, что приподнимает, возвышает, утверждает, оправдывает жизнь, что ведет к ее торжеству, считается «ложным»... Если, случается, богословы

протягивают руку к власти, воздействуя на «совесть» государей (или народов), мы можем не сомневаться в том, что, собственно, происходит: рвется к власти воля к концу, нигилизм воли...

10

Немцы сразу поймут меня, если я скажу: философия испорчена богословской кровью Протестантский пастор — прадед немецкой философии, сам протестантизм — ее *ressatum originale* (Первородный грех (лат.)). Вот определение протестантизма — это односторонний паралич христианства — и разума... Достаточно сказать — «Тюбингенский институт»¹⁴, чтобы понять, что такое немецкая философия по своей сути — коварная, скрытная теология... Никто в Германии не лжет лучше швабов — те лгут с невинностью... Откуда это ликование, охватившее ученый мир Германии (на три четверти состоящий из пасторских и учительских сынков), когда выступил Кант?¹⁵ Откуда эта убежденность немцев, еще и теперь находящая отклик, будто с Канта начался поворот к лучшему? Богословский инстинкт немецкого ученого угадал, что отныне вновь возможно... Вновь открылась потайная тропа, ведущая к прежнему идеалу, вновь объявились понятие «истинного мира», понятие морали как самой сути мира (два самых злокачественных заблуждения, какие только есть!): благодаря лукаво-хитроумному скептицизму они если и не доказуемы, то уже и не опровержимы... Разум, права разума так далеко не простираются... Реальность обратили в «кажимость»; от начала до конца ложный мир сущего провозгласили реальностью... Успех Канта — успех богослова, и только: подобно Лютеру¹⁶, подобно Лейбницу¹⁷, Кант стал

¹⁴ Тюбингенский институт. Речь идет о Тюбингенской школе, группе либеральных протестантских богословов — гегельянцев, историков христианства (Ф. К. Баур, Д. Штраус). Представители школы провели ряд историко-филологических исследований евангелий. Ницше считал историко-критические труды Тюбингенской школы недостаточно радикальными, половинчатыми, отсюда его резко негативные оценки.

¹⁵ Ликование при появлении Канта. Ницше неоднократно подвергал самой уничижительной критике (а то и просто брани) учение Канта за его компромиссный характер. В «Критике чистого разума» Кант показал несостоятельность всех богословских доказательств бытия бога, но целью Канта было «ограничить знание, чтобы освободить место вере», и в «Критике практического разума» он принимает существование бога как высшего гаранта нравственного миропорядка. Поэтому, хотя при жизни Канта его «религия в пределах одного лишь разума» опровергалась протестантскими богословами, в дальнейшем это учение было приспособлено для сохранения «истин веры» в условиях, когда стало ясно, что никакая рациональная аргументация не способна дать им подтверждение. Ницше не устраивало прежде всего этическое учение Канта.

¹⁶ Лютер Мартин (1483—1546) — основатель протестантизма, один из вождей Реформации. Теологическим обоснованием разрыва с католической церковью служили учения Лютера о предопределении и об «оправдании верою». Единственным источником веры он считал «откровение», то есть св. писание (а не предание, авторитет церкви). Ницше был сыном протестантского священника, он вырос в исповедующей ортодоксальное лютеранство семье, и на его восприятие христианства в целом наложила отпечаток лютеровская интерпретация христианства. Именно Лютер довел до предела противопоставление разума и веры, произносил такие хулы в адрес разума, что дал тем самым Ницше возможность говорить об изначальной враждебности христианства разуму. Учение о спасении «только верою» (а не благими деяниями) было приписано Ницше вслед за Лютером апостолу Павлу и христианству вообще. Лютер был готов считать апокрифом послание апостола Иакова только потому, что

новым тормозом на пути немецкой порядочности с ее и без того не слишком твердой поступью...

11

Еще слово против Канта-моралиста. Добродетель — это либо наша выдумка, глубоко личная наша потребность и орудие самозащиты, либо большая опасность. Все, что не обуславливается нашей жизнью, вредит ей: вредна добродетель, основанная на почитании понятия «добродетель», как того хотел Кант. «Добродетель», «долг», «благое в себе», благое безличное и общезначимое — все химеры, в которых находит выражение деградация, крайняя степень жизненной дистрофии, кенигсбергский китаизм. Глубочайшие законы сохранения и роста настоятельно требуют обратного — чтобы каждый сочинял себе добродетель, выдумывал свой категорический императив Когда народ смешивает свой долг с долгом вообще, он погибает. Ничто не поражает так, глубоко, ничто так не разрушает, как «безличный долг», как жертва молоху абстракции... И почему только категорический императив Канта не воспринимали как жизнеопасный!.. Только богословский инстинкт и взял его под защиту!.. Когда к действию побуждает инстинкт жизни, удовольствие служит доказательством того, что действие было правильным, а для нигилиста с христианской догмой в потрохах удовольствие служило аргументом против... Ничто так быстро не разрушает, как работа, мысль, чувство без внутренней необходимости, без глубокого личного выбора, без удовольствия, как автоматическое исполнение «долга»! Прямой рецепт *décadence*'а, даже идиотизма... Кант сделался идиотом... И это современник Гёте! Роковой паук считался — нет, все еще считается первым немецким философом!.. Умолчу о том, что думаю о немцах... Не Кант ли видел во французской революции переход от неорганической формы государства к органической? Не он ли задавался таким вопросом: бывают ли события, объяснимые лишь моральными задатками человечества, так что тем самым было бы доказано «тяготение человечества к благу»? Ответ Канта: такое событие — революция. Ошибочный инстинкт во всем, противоестественность инстинктов, немецкий *décadence* в философском обличье — вот вам Кант!..

12

в нем есть слова: «Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только?.. Ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2: 24, 26). Хотя хорошо известны слова Павла: «А теперь пребывают... три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше», Ницше, вслед за Лютером, считал Павла проповедником спасения «только верою». Это дало ему возможность противопоставить Христа и Павла. Деятельность Лютера и Реформация вообще оценивались Ницше резко отрицательно, как «плебейский бунт» против итальянского Ренессанса.

¹⁷ Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ и ученый. В «Теодицее» Лейбница обосновывается компромисс между наукой и теологией; Ницше видел в этом попытку соединения разума и веры, разъединенных Лютером.

Вычту двух-трех скептиков — в истории философии это приличный тип; остальные не знакомы и с самыми элементарными требованиями интеллектуальной благопристойности. Они как самки — все эти великие мечтатели и диковинные звери; у всех «прекрасные чувства» сходят за аргументы, вздымающаяся грудь — за меха, раздуваемые божеством, убеждение — за критерий истины. Напоследок Кант попытался — по-немецки невинно — придать наукообразный вид этой форме порчи, этому отсутствию интеллектуальной совести, он изобрел понятие «практического разума» — особого разума, когда уже не надо беспокоиться о разумности, коль скоро заявляет свои права мораль, коль скоро громогласно раздается требование: «Ты обязан!..» Если мы примем во внимание, что почти у всех народов философ наследует и развивает тип жреца, то нас уже не удивит эта привычка чеканить фальшивую монету, обманывая самого себя. Коль скоро на тебя возложены священные обязанности — как-то: совершенствовать, спасать, искуплять людей, коль скоро ты носишь божество в своей груди и выступаешь рупором потусторонних императивов, то ты со своей миссией недотягиваем для чисто рассудочных оценок, тебя освящает обязанность, ты сам тип высшего порядка!.. Что жрецу знание! Он слишком высок для наук!.. А ведь до сей поры царил жрец!.. Он определял, что «истинно», что «неистинно»!..

13

Не станем недооценивать следующего: мы сами, мы, вольные умы,— мы воплощенное объявление войны всем прежним понятиям «истинного» и «ложного»; в нас самих — «переоценка всех ценностей». Самого ценного приходится ждать дольше всего, а здесь у нас самые ценные выводы — методы. Все методы, все предпосылки нашей сегодняшней научной мысли тысячами вызвали глубочайшее презрение: ученый не допускался в общество «приличных» людей — считался «врагом бога», презирающим истину, считался «одержимым». Человек, занятый наукой, — чандала¹⁸ ... Весь пафос человечества, все понятия о том, чем должна быть истина, чем должно быть служение науке, — все было против нас; произнося «ты обязан!..», всегда обращали эти слова против нас... Наши объекты, наши приемы, наш нешумный, недоверчивый подход к вещам... Все казалось совершенно недостойным, презренным... В конце концов, чтобы не быть несправедливым, хочется спросить, не эстетический ли вкус столь долгое время ослеплял человечество; вкус требовал, чтобы истина была картинной; от человека познания вкус равным образом требовал, чтобы он энергично воздействовал на наши органы чувств. Скромность шла вразрез со вкусом... Ах, как хорошо они это почуяли, индюки господни...

14

¹⁸ Чандала — «нечистые», «неприкасаемые» в Индии, то есть не входящие ни в одну из варн (брахманов, кшатриев, вайш и шудр).

Мы переучили все. Во всем стали скромнее. Мы уже не выводим человека из «духа», из «божества», мы опять поместили его среди животных. Он для нас самое могучее животное — потому что самое хитрое; его духовность — следствие. С другой стороны, мы решительно противимся тщеславию, которое и тут готово громко заявить о себе, словно человек — это великая задняя мысль всей животной эволюции. Никакой он не венец творения — любое существо стоит на той самой ступени совершенства, что и он... И того много: в сравнении с другими человек получился хуже, — самое больное и уродливое среди животных, он опасно отклонился от своих инстинктов жизни... Но, впрочем, он и наиболее интересен!.. Что касается животных, то сначала Декарт¹⁹ (весьма достойная дерзость!) осмелился помыслить животное как *machina* (Машина, механизм (лат.)); вся наша физиология стремится доказать этот тезис. И мы вполне логично не ставим человека в сторонку (как еще Декарт), — все, что вообще понятно до сих пор в человеке, не заходит дальше понимания «машинообразного» в нем. Прежде человека наделяли «свободой воли» — даром высших сфер; теперь мы отняли у него и волю — в смысле особой способности. Слово «воля» служит теперь для обозначения результирующей — чего-то вроде неизбежной индивидуальной реакции на множество отчасти противоречащих друг другу, отчасти гармонирующих друг с другом раздражений. «Воля» теперь не «созидает», не «движет»... Раньше в сознании, в «духе» человека видели доказательство высшего, божественного происхождения человека; чтобы усовершенствовать его, ему, словно черепахе, советовали вобрать в себя все чувства, прервать общение с земным миром и сбросить смертные покровы: тогда, мол, и останется самое главное — «чистый дух». И здесь мы тоже нашли кое-что получше: в осознании, в «духе» для нас симптом относительного несовершенства организма, пробы и ошибки, попытки достичь чего-то вслепую и на ощупь и прежде всего труды, поглощающие слишком много нервной энергии, — мы отрицаем то, что совершенство возможно, пока нечто осознается. «Чистый дух» — чистая глупость: если вычесть нервную систему, чувства, наконец, «смертную оболочку», мы просчитаемся — просчитаемся, да и только!..

15

¹⁹ Декарт Рене (1596—1650) — французский философ и естествоиспытатель. Ницше высоко оценивал физику и физиологию Декарта, представление о животных как «машинах», «механизмах» (Декарт открыл безусловный рефлекс), однако рационалистическую метафизику французского мыслителя он не принимал. Декарт утверждал существование духовной субстанции и проводил онтологическое доказательство бытия бога, исходя из постулата: «Я мыслю, следовательно, я существую» (*cogito ergo sum*). Ницше отвергал *cogito* в качестве незыблемого фундамента человеческого мышления, так как считал, что за мышлением стоят волевые импульсы. Декарт также считал «свободную волю» независимой от разума, но «воля к власти» Ницше радикально отличается от картезианской воли. Рациональное мышление есть лишь выражение инстинктивных влечений, иррациональных импульсов. Ницше не отрицает разума вообще (это видно хотя бы по тексту «Антихристианина»), он видит в нем сильный инструмент, орудие «воли к власти». Но о какой бы то ни было автономии разума не может быть и речи, разум детерминируется влечениями. В этом смысле Ницше пытается использовать сказанное Декартом по отношению к животным — человек является своего рода механизмом.

Ни мораль, ни религия христианства ни в одной точке не соприкасаются с действительностью. Сплошь воображаемые причины: «бог», «душа», «Я», «дух», «свобода воли» — а то и «несвобода». Сплошь воображаемые следствия: «грех», «искупление», «благодать», «кара», «прощение грехов». Общение между воображаемыми существами — «богом», «духами», «душами». Воображаемое естествознание — антропоцентрическое, с полным отсутствием понятия о естественных причинах. Воображаемая психология — сплошное непонимание самого себя, недоразумения, истолкование приятного или неприятного самочувствия, например, состояний симпатического нерва, на языке знаков религиозно-моральной идиосинкразии — «раскаяние», «угрызения совести», «дьявольское искушение», «близость бога». Воображаемая телеология: «царство божие», «Страшный суд», «вечная жизнь»... Этот законченный мир фикций отличается в худшую сторону от мира сновидений: сновидение отражает действительность, а фикция ее фальсифицирует — обесценивает, отрицает. Когда придумали понятие «природы» — противостоящей богу, «природное», «естественное» стало означать падшее и порочное, — весь воображаемый мир христианства коренится в ненависти к природе (действительности), он выражает глубочайшую неудовлетворенность реальным... И этим все объясняется. У кого есть причины облыжно самоустраняться из действительности? У того, кто от нее страдает. Но страдает от действительности — действительность несчастная, потерпевшая крах... Преобладание чувств неудовольствия над чувствами удовольствия — причина воображаемой морали и религии; однако такое преобладание — формула *décadence*'а...

16

К тому же выводу принуждает нас критика христианского понятия бога... Пока народ верует в себя, у него — свой бог. В своем боге народ чтит условия, благодаря которым он на высоте, в нем он чтит свои доблести, — удовольствие от себя самого, чувство силы он переносит на существо, которое можно благодарить за это. Щедрость богача: гордому народу бог нужен, чтобы приносить ему жертвы... В таких условиях религия — форма благодарения. Народ благодарен самому себе: ему нужен бог, чтобы благодарить... Ему надо, чтобы бог мог и быть полезным, и приносить вред, ему нужен бог-враг, бог-друг, которым можно восхищаться во всем — в добром и в дурном. Пока все так, вне пределов желаемого остается исключительно благой бог, пока все так, противоестественно кастрировать бога. Злой бог нужен не менее доброго — ведь и своим собственным существованием ты обязан отнюдь не терпимости и филантропии... Какой прок от бога, которому неведомы гнев, зависть, хитрость, насмешка, мстительность и насилие? Который не ведал бы даже восхитительных *ardeurs* (Горение, пыл (фр.) победы и уничтожения? Такого бога народ не понял бы: для какой он надобности?.. Однако правда: когда народ гибнет, когда он чувствует, что его вера в будущее иссякает, надежда обрести свободу окончательно гаснет, когда покорность представляется ему полезным делом, а добродетель побежденного — первым условием сохранения жизни, тогда обязан перемениться и бог. Бог стал тихоней, себе на уме,

стеснительным, пугливым, он отныне проповедует «мир души», не велит никого ненавидеть, советует бережно обращаться со всеми и «любить» все одно что друга, что врага. Такой бог беспрерывно резонерствует, забивается в пещеры личной добродетели, он становится богом каждого, становится частным лицом, становится космополитом... Когда-то он представлял собою народ, силу народа, все агрессивное, все жаждущее власти в душе народа... А теперь он просто добрый боженька... На деле нет для богов иной альтернативы — либо ты воплощаешь волю к власти и остаешься божеством племени, народа, либо ты воплощаешь бессилие к власти, а тогда ты непременно хорош, благ...

17

В какой бы форме ни деградировала воля к власти, всякий раз совершается и физиологический регресс, *décadence*... Божество *décadence*'а, у которого кастрированы мужеские доблести и влечения, — это божество непременно станет теперь богом физиологически деградировавших, слабых людей. Они-то не называют себя слабыми, а называют «добрыми», «благими»... Понятно и не требует подсказок, когда, в какой момент истории впервые появляется возможность дуалистической фикции — доброго и злого бога. Один и тот же инстинкт заставляет побежденных низводить своего бога до «благого в себе» и отнимать у бога победителей все его добрые качества. Мстят господам — обращают их бога в черта... И добрый боженька, и дьявол — оба исчадия *décadence*'а... Можно ли в наши дни идти на такие уступки простоте христианских богословов и вместе с ними постановлять, что поступательное развитие понятия бога, ведущее от «бога Израилева», от племенного бога, к богу христианскому, — это прогресс?!.. Но ведь сам Ренан²⁰ так поступает. Как будто у Ренана есть право быть простачком! Обратное слишком ясно. Предпосылки жизни по восходящей линии — все крепкое, смелое, гордое, властное — изымаются из понятия бога, шаг за шагом он превращается в символ костыля для усталых людей, спасительного якоря для тонущих, становится богом нищих, богом грешников, богом болезненных *par excellence* (По преимуществу (фр.)) «спаситель», да «искупитель» — таковы его последние предикаты... О чем говорит такое превращение? О чем — такая редукция божественного?.. Верно: «царство божие» от этого выросло. Раньше у бога был только свой народ — «избранный». Тем временем бог, как и сам народ, отправился на чужбину, пустился в странствия, нигде ему не сиделось. Пока он не прижился повсюду, великий космополит, — пока на его стороне не оказалось «большое число» и пол-Земли. И все же бог «большого числа», этот демократ

²⁰ Ренан Жозеф Эрнест (1823—1892) — французский историк, писатель. В трудах «История происхождения христианства», «История израильского народа» он критиковал Библию с позиций Тюбингенской школы. Известность Ренану принесла книга «Жизнь Иисуса» (1863), в которой на основе евангелий и других источников Ренан изобразил Иисуса Христа не как богочеловека, а как симпатичного галилейского проповедника. Все сверхъестественное было отвергнуто, а тем самым были отвергнуты и основные христианские догматы. Иисус стал проповедником морали. Ницше во многих работах обрушивался на Ренана, видел в нем своего «антипода» (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла; Сумерки кумиров).

среди богов, не сделался гордым богом языков, — он как был евреем, так им и остался, богом закоулков, богом темных углов, мрачных лачуг — богом всех нездоровых жилых помещений на целом свете!.. По-прежнему его мировой империей остается подземное царство, подполье — souterrain, лазарет, гетто... А сам он — какой бледный, какой немощный, какой декадентский!.. Даже бескровные из бескровных в силах завладеть им — господа метафизики, альбиносы мира понятий. Они плетут и плетут вокруг него свои сети, плетут до тех пор, пока, зачарованный их движениями, он сам не превращается в паука, в «метафизикуса».. А тогда он начинает тянуть мир из себя — *sub specie Spinozae* (Под знаком Спинозы (лат.))²¹, — преображаясь во все более тонкое и блеклое, делаясь «идеалом», делаясь «чистым духом», «абсолютом», вещью в себе... Так деградирует бог — становится «вещью в себе»...

18

Христианское понятие бога — он бог больных, бог-паук, бог-дух — одно из самых порченных, до каких только доживали на Земле; вероятно, оно само служит показателем самого низкого уровня, до какого постепенно деградирует тип бога. Выродившись, бог стал противоречием — возражением жизни вместо ее преображения, вместо вечного Да, сказанного ей! В боге — и провозглашена вражда жизни, природе, воле к жизни! Бог — формула клеветы на «посюсторонность», формула лжи о «потусторонности»! В боге Ничто обожествлено, воля к Ничто — освящена!..

19

Могучие расы Северной Европы не отвергли бога, и это не делает чести их религиозным дарованиям, чтобы не говорить о вкусе. Им бы вовремя совладать с таким болезненным и дряхлым порождением *décadence*'a! Но зато на них и лежит проклятие, раз они не совладали с ним: их инстинкты впитали болезнь, старость, противоречие, — и с тех пор они уже не творили себе богов! Прошло почти две тысячи лет, и не родилось ни одного бога! И все еще продолжает жить и

²¹Спиноза. Ницше «открыл» для себя философию Спинозы в 1881 г. Он восхищался смелостью спинозовской критики религии, использовал аргументы Спинозы против «свободы воли». Вместе с тем он порицал рационализм Спинозы, его «интеллектуальную любовь к богу»; в теории познания Ницше противопоставлял рационалистическому учению об интеллектуальной интуиции свой «перспективизм». Каждый познающий субъект есть конкретная, определяемая волевыми импульсами «перспектива», точка зрения на мир, придающая ему организацию, приспособляющая его к своим устремлениям. Есть бесконечное число волей, ведущих борьбу друг с другом, в том числе и посредством познания. Мир алогичен в своем гераклитовском потоке становления; поэтому нет интеллектуальной интуиции *sub specie aeterni* (с точки зрения вечности), открывающей мир в его независимой от познающего истине. Нет истин «в себе», истина определяется Ницше как полезная ложь — хаос событий организуется на свой манер каждой из перспектив, познание тем истиннее, чем оно полезней для роста «воли к власти». Таким образом, единой перспективе познающего *sub specie aeterni* субъекта Ницше противопоставляет плюрализм волей, использующих познание в борьбе за власть: познание не имеет автономного характера, истина, как таковая, не существует. В учении Спинозы и других философов-рационалистов Ницше видит наследие «сократизма» и христианства.

существовать, словно бы по праву, словно бы *ultimum* и *maximum* (Крайняя и высшая степень (лат.)) богопорождающей силы (*creator spiritus* (Дух-творец (лат.)) в человеке), жалкий божок христианского монотонно-теизма! Эта упадочная похоть нуля, абстракции и возражения, освящающая инстинкты *décadence*'а в душах, любые продления трусости и утомления в них!..

20

Осудив христианство, я не хотел бы совершить несправедливость в отношении родственной религии, превосходящей его числом приверженцев, — это буддизм²². Обе нигилистические религии, обе религии *décadence*'а и близки, и самым замечательным образом разделены. Критик христианства глубоко благодарен индийским ученым за то, что может теперь сравнивать... Буддизм во сто крат реалистичнее христианства; у него в крови наследие объективной и хладнокровной постановки проблем, он возник в итоге продолжавшегося сотни лет философского движения; когда буддизм появился на свет, с понятием «бог» уже успели покончить. Буддизм — это единственная во всей истории настоящая позитивистская религия — даже и в своей теории познания (строгом феноменализме); буддизм провозглашает уже не «борьбу с грехом», а «борьбу со страданием», тем самым всецело признавая права действительности. Буддизм глубоко отличается от христианства уже тем, что самообман моральных понятий для него пройденный этап; на моем языке он — по ту сторону добра и зла... Вот два психологических факта, на которых основывается и на которых останавливает взгляд буддизм: это, во-первых, чрезмерная чувствительность, выражающаяся в утонченной способности страдать, а затем — чрезмерная духовность, следствие слишком долгого пребывания среди понятий, логических процедур, от чего понес ущерб личный инстинкт и выиграло все безличное (то и другое состояние по собственному опыту известно, как и мне, хотя бы некоторым из моих читателей, а именно «объективным»). Как следствие таких физиологических предпосылок, установилась депрессия — против нее Будда и принимает свои гигиенические меры. Его средство — жить на природе, странствовать; быть умеренным и ограничивать себя в пище; соблюдать осторожность в отношении любых *spirituosa*, а также любых аффектов, вызывающих разлитие желчи и горячащих кровь; не заботиться ни о чем — ни о себе, ни о других. Он требует, чтобы представления приносили покой или радовали дух, и изобретает способы, как отвлечь от себя

²² Буддизм. Учение Будды Гаутамы стало широко известно в Европе лишь во второй половине XIX в. Ницше познакомился с ним в 70—80 гг. благодаря трудам таких индологов, как его школьный товарищ П. Дейссен, Кёппен, Ольденбург. Европейская литературно-художественная богема в те годы осваивала буддизм, некоторые близкие знакомые Ницше именовали себя «буддистами» (Л. Саломе, например). Ницше привлекали такие черты буддизма, как феноменализм в теории познания, отрицание «Я», учение о перевоплощении и особенно тезис о том, что жизнь есть страдание. Европейская культура, полагал Ницше, наконец-то созрела для появления такого «более чистого», чем христианство, варианта нигилизма. Но именно потому, что буддизм равен для Ницше последовательному и честному нигилизму, отрицающему страдание, а вместе с тем и саму жизнь, он противопоставляет буддизму свой «жизнеутверждающий» миф о «вечном возвращении» и учение о «воле к власти». Ясно, что Ницше понимает буддизм по образу и подобию философии Шопенгауэра, независимо от его реальной истории.

все иное. Для Будды благо и доброта — то, что укрепляет здоровье. И молитва, и аскетические упражнения исключены, — вообще никакого категорического императива, никакого принуждения, даже и в монастырской общине (всегда можно выйти из нее). Все подобное лишь усиливало бы чрезмерную возбудимость. По той же причине он не требует бороться с инакомыслящими; ни против чего так не восстает его учение, как против мстительности, антипатии, *ressentiment*²³ («не враждою будет положен конец вражде» — трогательный рефрен всего буддизма...). И справедливо: именно эти аффекты и нездоровы в смысле главной диететической цели. С утомленностью духа, которая налицо и которая сказывается в преувеличенной «объективности» (то есть в ослаблении индивидуальной заинтересованности, в утрате центра тяжести, «эгоизма»), он борется, последовательно относя к личности даже и самые духовные интересы. Учение Будды вменяет эгоизм в обязанность: вся духовная диета определяется и регулируется одним — как отрешиться от страдания (вспоминается афинянин, равным образом объявивший войну чистой «научности»), — Сократ²⁴: он возвел личный эгоизм в ранг морали даже в самом царстве проблем).

21

Предпосылками буддизма служат очень мягкий климат, кротость и вольность нравов, немилитаризм, а еще то, что очаг движения — высшие и даже ученые сословия. Стремятся к высшей цели — радости духа, невозмутимости, отсутствию желаний — и цели своей достигают. Буддизм — не та религия, в которой лишь чают совершенства; совершенство — это норма.

В христианстве на первый план выходят инстинкты угнетенных и поработанных: в нем ищут спасения низшие сословия. Здесь занимаются как средством от скуки казуистикой греха, самокритикой, инквизицией совести; здесь постоянно поддерживают (молитвой) аффект в отношении всемогущего, прозванного «богом», — наивысшее считается недоступным, принимается как дар,

²³*Ressentiment* (франц. — злоба, злопамятство) — одно из важнейших понятий психологии Ницше. Воля к власти может выступать не только как активная, но и как реактивная сила, то есть обратиться против самой себя. У слабых, проигрывающих в открытой борьбе, воля к власти подавляется, вытесняется, становится бессознательной, меняет свои формы. Слабые уподобляются лисе в басне Лафонтена, говоря «зелен виноград»; недоступное им объявляется морально дурным, недостойным, порочным. Сильные осуждаются с точки зрения «высших ценностей», каковыми на деле являются ценности слабых и неспособных; из нужды они делают добродетель. Типом человека, для которого наиболее характерен *ressentiment*, Ницше считает священника: непрерывно говоря о добродетели, он стремится на деле к власти над более высокими типами людей. В *ressentiment* Ницше видит главный источник морали.

²⁴ Сократ (470/469—399 до н.э.) — великий древнегреческий философ, жизнь и идеи которого известны в основном по произведениям его учеников — Платона и Ксенофонта, так как Сократ ничего не писал, но вел философские беседы на улицах и площадях Афин. Был обвинен в «безбожии» и приговорен к смерти. Ницше считал Сократа гениальным мыслителем, но видел в нем первого в истории Европы декадента, нигилиста. Рационализм Сократа, его учение о моральных ценностях, телеология рассматриваются Ницше как воля к отрицанию жизни, противоположная дионисийскому, трагическому началу жизни. Именно Сократ противопоставил потоку становления надвременное царство идей, «соблазнил» афинское юношество, прежде всего Платона. Ницше подчеркивает плебейское происхождение Сократа («*canaille*»), видит в его иронии торжество «демократической» рассудочности над жизнью.

как «благодать». Нет и ничего публичного: закуток, темное помещение — вот это по-христиански. Здесь презирают тело, отвергают гигиену чувственности; церковь противится даже чистоте тела (первое христианское мероприятие после изгнания мавров состояло в том, чтобы закрыть общественные бани, которых в одной Кордове насчитывалось двести семьдесят). Известная жестокость к себе и к другим — это тоже христианское; тоже ненависть к инакомыслящим, воля к преследованию. Мрачные и возбуждающие душу представления выдвигаются вперед; состояния, к каким стремятся и какие награждают возвышенными именами,— состояния эпилептоидные; диету выбирают такую, чтобы способствовать болезнетворным видениям и перенапрягать нервы. Христианское — это смертельная вражда к господам земли, к «благородным»,— одновременно же и скрытое, тайное состязание с ними (оставляют им «тело», а берут только «душу»...). Христианское — это и ненависть к духу: к гордости, мужеству, свободе, *libertinage* (Вольность, вольнодумство (фр.)) духа; ненависть к чувствам, к чувственным радостям, к радостям вообще — тоже христианское...

22

Когда христианство оставило свою первоначальную почву — низшие сословия, нижний мир античности, когда оно пустилось завоевывать власть среди варварских народов, то здесь исходной предпосылкой для него выступали уже не усталые, но внутренне одичавшие, рвавшие друг друга на части люди — сильные, но плохо уродившиеся. Недовольство самими собой, страдание, причиняемое себе самим, выражались здесь не так, как у буддистов,— не в чрезмерной восприимчивости и болезненности, а совсем напротив, в огромном желании причинять боль и изживать внутреннее напряжение во враждебных действиях и представлениях. Христианство нуждалось в варварских понятиях и ценностях, чтобы одержать верх над варварами,— таковы принесение в жертву первенца, причащение кровью, презрение к духу и культуре, пытки во всевозможных формах, чувственных и иных, помпезность культа. Буддизм — эта религия рассчитана на людей поздних, предназначена для рас добрых, кротких, слишком духовных,— в них так легко вызвать ощущение боли (Европа далеко еще не созрела для боли); буддизм возвращает этим расам мир и радость, размеренность духовной диеты, известную телесную закалку. А христианству хочется овладеть хищными зверями, и вот его средство — надо заставить их болеть, надо их ослабить — христианский рецепт укрощения, «цивилизации». Буддизм — религия утомленного финала цивилизации, а христианство вообще не обнаруживает перед собой цивилизации,— оно при известных обстоятельствах лишь закладывает ее основы.

23

Итак, еще раз: буддизм во сто крат холоднее, правдивее, объективнее. Ему уже не нужно, перетолковывая грех, делать страдания, боль приемлемыми для себя,— он просто говорит, что думает: «Я страдаю». Напротив, варвару вовсе не

приличествует страдать; он сначала нуждается в истолковании, чтобы признаться в том, что страдает (инстинкт скорее побуждает его таить страдания, сносить их молча). Слово «дьявол» было благодеянием — дьявол слишком сильный и грозный противник, не стыдно переносить страдания, причиняемые таким врагом.

На дне христианства сохраняются известные тонкости восточного происхождения. Прежде всего христианству ведомо: сама по себе истинность чего-либо совершенно безразлична, но в высшей степени важно, во что веруют как в истину. Истина и вера в истину — два крайне далеких, почти противоположных мира интересов, к ним ведут совсем разные пути. Ведать такое — значит на Востоке почти уже стать мудрецом: так разумеют дело брахманы, так разумеет его Платон²⁵, да и всякий последователь эзотерической мудрости. Вот, например, если счастье — в безгрешной жизни, то для искупления грехов важно не то, чтобы человек был грешен, а то, чтобы он чувствовал себя грешным. Итак, если вообще нужна вера, то необходимо вызвать недоверие к разуму, познанию, исследованию: путь к истине оказывается тогда под запретом... Крепкая надежда куда лучше стимулирует жизнь, чем любое ставшее реальностью счастье. Поэтому надо поддерживать в страдающих надежду — такую, с которой ничего не может поделаться сама действительность, такую, которая не кончится тем, что сбудется, — потому что это надежда на «мир иной» (как раз по той самой причине, что надежда водит за нос несчастного человека, греки считали ее бедою из бед, самым коварным бедствием, — когда опрокидывалась бочка всех несчастий, надежда все-таки оставалась в ней...). Чтобы можно было любить, бог обязан стать личностью; чтобы могли соучаствовать и самые низкие инстинкты, бог обязан быть молодым. Страсти женской можно предъявить прекрасного святого, страсти мужской — деву Марию. Все это при условии, что христианство вознамерилось воцариться там, где культы Адониса или Афродиты²⁶ предопределили понятие культа. Требование целомудрия усиливает неистовство и проникновенность религиозного инстинкта — культ становится теплее, душевнее, мечтательнее... Любовь — состояние, в котором человек обычно видит вещи не такими, каковы они. Сила иллюзии —

²⁵ «Брахманы... Платон» — брахманы — высшая жреческая каста в Индии, Платон (428 или 427—348 или 347 до н.э.) — великий древнегреческий философ-идеалист. Подвергая критике христианство и «европейский буддизм», Ницше видит образец общественного устройства в кастовом обществе Древней Индии. Отрицательное отношение к платоновскому идеализму не мешало Ницше высоко оценивать политическое учение Платона, в котором общество подразделялось на три сословия: мудрецов-философов, воинов и трудящихся (в позднем диалоге «Законы» речь идет также и о рабах). Это деление полностью соответствовало делению индоариев на варны: священники — брахманы, воины — кшатрии, свободные общинники — вайшьи, рабы — шудры. Ницше противопоставляет христианству не только законы Ману, но также эзотерическую мудрость брахманов и платоновский идеализм, так как в них не придается большого значения вере, вопрос о личном спасении в христианском смысле вообще лишен всякого смысла; речь идет не о загробном воздаянии на все времена, а о законе кармы и об освобождении от вечного круговорота перевоплощений (сансара, метемпсихоз). Освобождение достигается не верой, а познанием истины, хотя познание предполагает и целый ряд этических требований.

²⁶ Культы Афродиты, Адониса. Ницше пишет о распространившихся по всей Римской империи культах Великой матери (Афродита в религиозном эклектизме того времени смешивалась с Исидой, Кибелой), умирающего и воскресающего бога Адониса, заимствованного греками у финикийцев и сделавшегося возлюбленным Афродиты. Культы Великой матери оказали определенное влияние на христианское почитание богородицы; культы Осириса, Адониса и других умирающих и воскресающих богов подготавливали почву для принятия язычниками христианства.

достигает своих высот — все приукрашивает, преобразует. Любя, переносишь больше, терпишь все. Итак, надо было придумать религию, в которой можно любить: тем самым уже возвышаешься над всем скверным, что есть в жизни,— просто больше не замечаешь ничего такого... Вот что можно пока сказать о трех христианских добродетелях — вере, надежде, любви; назову их тремя христианскими благоразумностями... Буддизм же для этого слишком позитивистичен — он уже опоздал умнеть таким путем...

24

Лишь коснусь сейчас проблемы происхождения христианства. Вот первый тезис к ее решению: христианство понятно лишь на той почве, на какой оно произросло,— это не движение против иудейского инстинкта, а закономерное его развитие, новое звено в его внушающей ужас логической цепочке. По формуле искупителя: «Спасение от Иудеев»²⁷... Второй тезис гласит: мы еще в состоянии разглядеть психологический тип галилеянина, но лишь в полнейшем своем вырождении этот тип, одновременно изуродованный и перегруженный посторонними чертами, мог послужить тем, чем послужил, — типом искупителя человечества...

Иудеи — самый примечательный народ во всемирной истории: оказавшись перед необходимостью решать вопрос — «быть или не быть», они вполне сознательно предпочли во что бы то ни стало, любой ценою быть; ценою же была радикальная фальсификация природы, всего естественного, любой реальности мира внутреннего и мира внешнего. Они обособились от любых условий, при которых когда-либо мог жить, при которых когда-либо смел жить народ; они из самих себя вывели понятие, обратное понятию естественных условий; они поочередно вывернули наизнанку, превратив в противоречие их естественной ценности и неисцелимо извратив религию, культ, мораль, историю, психологию. С этим же феноменом мы встречаемся вновь: пропорции несказанно возросли, и тем не менее это всего лишь копия,— в отличие от «народа святых» христианская церковь не может заявить ни малейших претензий на оригинальность. Вот почему иудеи и выступают как самый фатальный народ во всемирной истории: их воздействие внесло в человечество такую фальшь, что и сегодня христианин может быть настроен антииудейски, не понимая того, что сам он — конечный вывод иудаизма.

В «Генеалогии морали» я впервые психологически представил противоположность двух понятий — аристократической морали и морали *ressentiment'a*, последняя возникла как Нет, произнесенное первому понятию. Иудейско-христианская мораль и есть целиком и без остатка такое Нет. Чтобы сказать Нет всему, что воплощает в себе движение жизни по восходящей линии — силе, красоте, здоровью, самоутверждению,— инстинкт *ressentiment'a* должен был, став гением, изобрести иной мир: глядя оттуда, можно было в любом акте

²⁷Ин. 4: 22.

жизнеутверждения видеть зло и порочность. Если психологически задним числом все расчесть, то выйдет, что иудейский народ наделен самой упрямой жизненной силой: в немыслимых условиях жизни он добровольно, следуя глубочайшему благоразумию самосохранения, принял сторону всех инстинктов *décadence*'а — не инстинкты владели им, но он угадал в них силу, с помощью которой можно отстоять себя в борьбе с целым «миром». Иудеи — это соответствие всем *décadents*, им пришлось играть эту роль до возникновения полнейшей иллюзии; благодаря *non plus ultra* (Крайняя степень (лат.)) актерского гения, они встали во главе всех движений *décadence*'а (вроде христианства Павла²⁸), создав из них нечто такое, что было сильнее любой партии жизни с ее Да жизнеутверждения. Для человека-жреца — того вида человека, который вожделеет власти в иудаизме и в христианстве, — *décadence* лишь средство: этот вид человека кровно заинтересован в том, чтобы человечество болело и чтобы были вывернуты наизнанку понятия «добра» и «зла», «истины» и «лжи» — в смысле опасном для жизни и содержащем клевету на мир.

25

История Израиля неопределима как типичная история денатурализации ценностей природы — укажу пять фактов такого процесса Первоначально, во времена царства, Израиль тоже обретался в правильном, то есть естественном, отношении ко всему. Яхве выражал сознание силы, радости, какую испытывал народ от себя самого, надежды на себя самого: от Яхве ждали побед, на него полагались, не сомневаясь в том, что природа даст все необходимое народу — прежде всего пошлет дождь. Яхве — бог Израиля и, следовательно, бог праведный; вот логика, какой следует всякий народ, на стороне которого сила, а потому и чистая совесть. Обе стороны самоутверждения народа находят выражение в праздничных обрядах: народ благодарит бога за великие судьбы, позволившие ему достичь вершин, он благодарит бога за годичный цикл и преуспевание скотоводства и земледелия... Такое положение оставалось долгое время идеалом — и после того, как все

²⁸ Христианство Павла — св. Павел (прим. 5—65 гг. н.э.) — «апостол язычников». Родился в Тарсе, имел римское гражданство. Был одним из наиболее активных гонителей христиан среди фарисеев. Обращение произошло на пути в Дамаск, Савл стал Павлом (см. прим. 42). В дальнейшем проповедовал христианство в разных районах Римской империи, был арестован в Иудее и отправлен в Рим (как римского гражданина его не могли судить в Иерусалиме). Согласно преданию, был предан мученической смерти во время гонений Нерона на христиан. О странствиях Павла рассказывается в Деяниях апостолов, написанных учеником Павла — евангелистом Лукой. До нас дошел целый ряд посланий Павла, большая часть которых скорее всего принадлежит именно Павлу. Влияние «апостола язычников» на всю последующую историю христианства огромно — основные положения христианской теологии восходят к его посланиям. Для Ницше Павел является, пожалуй, самым ненавистным персонажем истории, искавшим смысл учения Христа, приспособившим его для «черни» всей Римской империи, а затем и варваров. Противопоставляя друг другу Христа и Павла, Ницше исходил из лютеровской интерпретации посланий апостола (см. прим. 16). В противопоставлении Христа и всего последующего христианства определенное влияние на Ницше мог оказать Л. Н. Толстой, книга которого «Моя религия» была известна Ницше (во французском переводе 1885 г.). Толстой видел ключ ко всему христианству в словах Христа о непротивлении злу насилием, считал все позднейшее христианство отклонившимся от этой изначальной заповеди. Ницше говорит о «непротивлении злу» как о «глубочайшем слове евангелия», в определенном смысле «ключе к нему».

печальным образом переменялось: в государстве анархия, извне грозит ассириец. Однако народ как высшее выражение своих чаяний сохранил видение царя — хорошего воина и строгого судии; он запечатлелся прежде всего у типичного пророка (то есть критика и сатирика на потребу дня), каким был Исайя²⁹... Но надежды не сбывались. Ветхий бог не мог ничего из того, на что был способен в прежние времена. Надо бы расстаться с ним. А что произошло? Изменили понятие бога — денатурировали и такую ценою сохранили... «Праведный» бог Яхве — уже не в единстве с Израилем, он уже не выражение того, как ощущает себя сам народ; он бог лишь на известных условиях... Понятие бога становится орудием в руках жрецов-агитаторов, которые толкуют теперь удачу как вознаграждение, несчастье — как кару за непослушание богу: вот бесконечно лживая манера интерпретировать будто бы «нравственный миропорядок» — раз и навсегда она выворачивает наизнанку естественные понятия «причины» и «следствия». Кары и вознаграждения изгнали из мира естественную причинность, но тогда появляется нужда в причинности противоестественной: всякая прочая ненатуральность следует по пятам. Теперь бог требует, а не помогает, не подает совета и не служит, по сути дела, лишь наименованием любых проявлений вдохновенного мужества и доверия к самим себе... И мораль перестала быть выражением условий, в которых произрастает и живет народ, мораль перестала быть глубочайшим жизненным инстинктом и сделалась абстрактной — противоположностью жизни. Мораль — принципиальное ухудшение фантазии, «дурной взгляд», коснувшийся вещи мира. Что такое иудейская, что такое христианская мораль? Это Случай, у которого отнята невинность, это Несчастье, замаранное понятием «греха», это благополучие, понятое как опасность и «искушение», это физиологическое недомогание, отравленное гложущей совестью...

26

Понятие бога подменено; понятие морали подменено; иудейские жрецы не остановились на этом. Вся история Израиля стала негодной к употреблению — долой ее!.. Эти жрецы сотворили чудо фальсификации, и добрая часть Библии — документальное свидетельство содеянного ими: глумясь над преданием, издеваясь над исторической реальностью, они перевели прошлое своего собственного народа на язык религии, то есть изготовили из него тупой механизм спасения, состоящий из вины (перед Яхве) и наказания, из благочестия и награды. Мы, наверное, куда болезненнее воспринимали бы этот позорный акт фальсификации истории, если бы церковная ее интерпретация не притупила в течение тысячелетий наши требования благоприличия *in historicis* (В делах истории (лат.)). А философы вторили церкви: ложь относительно «нравственного миропорядка» проходит сквозь все развитие даже новейшей философии. Что означает «нравственный миропорядок»? Что воля

²⁹Исайя — библейский пророк. Согласно традиции деятельность Исаяи относится к периоду с 740 г до н.э. до 701 г. до н.э., когда произошел захват Ассирией Иудейского царства. По традиции Исаяе приписывается вся Книга пророка Исаяи в Ветхом завете, но ему принадлежат, вероятно, лишь главы 1 — 12, 16—22, 28—32, в которых речь идет о политических реалиях того времени. Отсюда характеристика Ницше — «критик и сатирик момента».

божия раз и навсегда предписывает человеку, что ему делать и чего не делать. Что ценность народа и отдельного человека измеряется степенью послушания их богу. Что в судьбах целого народа и отдельного человека во всем царит воля бога, который карает и вознаграждает по мере послушания ему. Реальность на месте этой жалчайшей лжи выглядит так: человек — паразит, жрец, процветающий лишь за счет здоровых жизненных образований, употребляет во зло имя божье; он называет «царством божьим» состояние, при котором он, жрец, определяет ценность всего; «волей божьей» он называет средства, с помощью которых достигается и поддерживается такое состояние; хладнокровно и цинично он о народах, веках, отдельных личностях судит по тому, насколько они способствовали или противились безграничной власти жрецов. Понаблюдайте за ними в деле: в руках иудейских жрецов великая эпоха в истории Израиля стала периодом упадка; пленение, великое несчастье, стало вечным наказанием за ту великую эпоху — время, когда жрец ничего еще не значил. Из могучих, весьма своенравных фигур истории Израиля они, по потребности, выделяли то мелких ханжей, то «безбожников», психологию великих событий они свели к упрощенной, идиотской формуле — «послушание или непослушание богу»... Новый шаг вперед: нужно, чтобы «воля божья», то есть условия сохранения власти жрецов, стала известна, — следовательно, необходимо «откровение». В переводе: потребовалась большая литературная фальшивка, и вот обнаруживается «священное писание» — сопровождается все это иератической помпой, покаянными днями и причитаниями по поводу застарелого «греха», и писание обнародуется. «Воля божья» давно была известна; вся беда в том, что народ отпал от «священного писания»... Уже Моисею³⁰ была открыта «воля божья»... Что же произошло? Жрец строго и педантично сформулировал раз и навсегда, чем ему хочется владеть, «что такое воля божья»; он не позабыл больших и малых налогов, которые надлежит ему платить, не позабыл и о самых вкусных кусках мяса, потому что жрец завзятый едок бифштексов... Отныне в жизни все устроено так, что без жреца ни шагу; какие бы естественные события ни происходили в жизни — рождение, бракосочетание, болезнь, смерть, не говоря уж о жертвоприношении («трапезе»), — повсюду появляется святой паразит, отнимающий у события естественность, или, на его языке, освящающий его... Ибо необходимо понять: любой естественный обычай, любая естественная институция (государство, суд, брак, уход за больными, забота о бедных), любое требование, внушенное инстинктом жизни, короче говоря, все, что не лишено внутренней ценности, принципиально обесценивается вследствие жреческого паразитизма (или, иначе, «нравственного миропорядка»), все становится противоположным какой бы то ни было ценности. Все это начинает нуждаться в освящении, необходима наделяющая ценностью сила, которая будет отрицать в явлении природу и лишь вследствие этого создаст ценность... Жрец лишает ценности и святости природу — только такой ценой он и продолжает существовать... Непослушание богу, то есть жрецу, «закону», получает отныне

³⁰ Моисей — в иудейской и христианской традициях первый пророк Яхве и основатель его религии, законодатель и политический вождь евреев во время исхода из Египта в Ханаан. Моисей получает на Синайской горе десять заповедей от Яхве — запреты и повеления, регулирующие взаимоотношения людей с богом и друг с другом. К ним прибавляется еще целый ряд ритуальных, моральных и юридических предписаний. Так называемое Пятикнижие Моисеево включает в себя первые книги Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

наименование «греха»; средства же вновь «примириться с богом» — это, как и следовало ожидать, те самые, какими еще более основательно обеспечивается покорность жрецу: лишь жрец может «искупить» грехи... Если теперь психологически задним числом все расчесть, то в любом организованном жрецами обществе «грехи» неизбежны — в них подлинная опора власти, жрец живет за счет прегрешений, ему надо, чтобы «грешили»... Верховный тезис: «Бог прощает кающегося», — то же в переводе: прощает тому, кто покорствуется жрецу...

27

Против природы в любом ее проявлении, против любой природной ценности, любой реальности выступали глубочайшие инстинкты господствующего класса, и на такой ложной почве выросло христианство — форма смертельной вражды к реальности, форма поныне не превзойденная. «Священный народ» сохранил лишь жреческие слова, лишь жреческие ценности и с логической последовательностью, способной внушить ужас, размежевался со всем, что еще оставалось на земле от власти, — со всем «несвященным» вроде «мира», «греха», — этот народ породил и конечную формулу своего инстинкта, логичную до полного самоотрицания: он произвел в христианстве отрицание самой последней еще сохранявшейся формы реальности — самого «священного народа», «народа избранных», всей иудейской реальности. Феномен первейший по значению: мелкий бунт, получивший свое название от имени Иисуса Назарянина, — это иудейский инстинкт вдвойне, или, говоря иначе, такой жреческий инстинкт, который уже не выносит жреца как реальность, — этот инстинкт обуславливает изобретение еще более отвлеченной формы существования, еще менее реального видения мира, чем те, что обусловили церковную организацию. Христианство отрицает церковь...

Не понимаю, против чего было направлено восстание, зачинщиком которого верно или нет сочли Иисуса, если не против иудейской церкви — церкви в том самом смысле слова, в каком пользуемся теперь им и мы. То было восстание против «благих и праведных», против «святых Израилевых», против общественной иерархии — не против ее порчи, а против касты, привилегий, порядка, формулы; оно выражало неверие в «высшего человека», оно произносило свое Нет всему жреческому и богословскому. Однако, поставленная под сомнение, пусть на миг, иерархия была теми сваями, на которых еще держался иудейский народ, хотя бы и посреди потопа, — она была последней, с великими трудами завоеванной возможностью выжить, residuum'ом (Прибежище (лат.)) самостоятельного политического существования народа. Нападки на иерархию — это нападки на глубочайший инстинкт народа, на его упорную волю к жизни — самую цепкую, какая только есть на земле. Святой анархист, призывавший к протесту против господствующего порядка подлый люд, отверженных и «грешников» (чандалу иудаизма), — этот анархист с его речами (если только верить евангелиям), за которые и сегодня упекут в Сибирь, был политическим преступником — постольку, поскольку вообще политические преступления мыслимы в сообществе аполитичном до абсурда. Это и привело его на крест: доказательство — надпись на

кресте. Он умер по своей вине,— и нет оснований полагать, как это часто утверждают, будто он умер, чтобы искупить вину других.

28

Совсем иной вопрос — осознавал ли он такую противоположность? Возможно, его лишь ощущали как такую противоположность. И вот только теперь я коснусь проблемы психологии испукителя... Признаюсь, мало что дается мне с таким трудом, как чтение евангелий. Трудности вовсе не те, обнаружению которых обязано одним из незабываемых своих триумфов ученое любопытство немецкого духа. Давно ушло то время, когда и я, подобно любому молодому ученому, неторопливо и рассудительно, как утонченный филолог, наслаждался сочинением несравненного Штрауса³¹. В ту пору мне было двадцать лет, а теперь я посерьезнел для такого занятия. Что мне до противоречий «предания»? Как можно называть «преданием» легенды о святых! Эти рассказы — самая двусмысленная литература, какая только есть: применять к ней научный метод, если нет иных документальных источников, — дело заведомо безнадежное, ученое времяпрепровождение...

29

Мое дело — психологический тип испукителя. Он и мог бы содержаться в евангелиях — вопреки евангелиям, пусть даже в изуродованном и перегруженном посторонними чертами виде; так образ Франциска Ассизского сохранился в легендах вопреки легендам. Итак, не истина того, что он делал, что говорил и как умер, а вопрос: можем ли мы вообще представить себе его тип, содержит ли его «предание»?.. Известные мне опыты вычитывания из евангелий самой настоящей истории «души» доказывают, на мой взгляд, отвратительное психологическое легкомыслие. Господин Ренан, шут *in psychologicis* (В делах психологии (лат.)), применил к объяснению типа Иисуса два наиболее неуместных понятия, какие только могли тут быть,— «гений» и «герой» (*héros*). Если есть что-то неевангельское, так это понятие «героя». Как раз обратное борьбе ощущение, что ты за что-то сражаешься, борешься, сделалось здесь инстинктом; неспособность к сопротивлению становится моралью («Не противься злему» — глубочайшее слово евангелий, в известном смысле ключ к ним) — блаженство в мире, кротости, неумение враждовать. Что значит «радостная весть»? Обретена подлинная жизнь, жизнь вечная, — она не обещана, она здесь, она в вас — жизнь в любви, жизнь без

³¹ Штраус Давид Фридрих (1808—1874) — немецкий теолог, представитель Тюбингенской школы. В своей «Жизни Иисуса» (1835—1836) применил «мифологическую теорию» при рассмотрении евангелий. Считал легендами («мифами») все сверхъестественные события Нового завета. Эта работа оказала значительное влияние на Ницше в молодости. Однако поздние труды Штрауса («Жизнь Иисуса, переработанная для немецкого народа» и др.) вызвали возмущение Ницше, видевшего в них попытку создать некую «эрзац-религию». Уже в ранних работах Ницше (например, в «Несвоевременных размышлениях») он полемизирует со Штраусом, не приемля, в частности, национализм и «прогрессизм» последнего. Исторический оптимизм Штрауса, верившего в прогресс человечества благодаря развитию знания, вызывал резкие возражения Ницше.

изъятия и исключения, без дистанции. Каждый — сын божий, Иисус ни на что не претендует для себя одного; все сыновья божьи, и все равны... Иисус — герой!.. А какое недоразумение — слово «гений»! Наше понятие «духа», понятие нашей культуры, утрачивает всякий смысл в мире, где живет Иисус. Рассуждая строго, как физиолог, тут совсем другое слово было бы уместнее.. Чувство осязания — мы это знаем — бывает болезненно раздражено до такой степени, что прикосновение к любому твердому предмету заставляет содрогнуться. Достаточно перевести такой физиологический *habitus* (Состояние (лат.)) на язык окончательной логики — то будет инстинктивная ненависть ко всякой реальности, бегство в «непостижимое» и «неосязаемое», неприятие любой формулы, любого понятия пространства и времени, всего, что стоит твердо — государства, учреждений, церкви,— а тогда твое родное пристанище в таком мире, какого уж не коснется никакая реальность, в мире исключительно «внутреннем», в мире «истинном» и «вечном»... «Царствие божие внутри вас есть»...

30

Инстинктивная ненависть к реальности — следствие крайней раздражительности и болезненности, когда уже не хочется, чтобы тебя «трогали», потому что любое прикосновение действует слишком сильно.

Инстинктивное неприятие антипатии, вражды, любых разграничений и дистанций — следствие крайней раздражительности и болезненности, когда любое сопротивление, сама необходимость чему-то сопротивляться воспринимается как непереносимое неудовольствие (нечто вредное и отвергаемое инстинктом самосохранения) и когда блаженство (удовольствие) лишь в том, чтобы никому и ничему не противиться, ни злу, ни беде... Любовь — единственный, последний шанс выжить...

Вот на этих двух исходных физиологических реальностях и взросло учение об искуплении. Назову его тонким развитием гедонизма на вполне прогнившей основе. Близкородственным остается эпикуреизм, языческое учение об искуплении — с большой дозой греческой витальности и нервной силы Эпикур³² — типичный

³² Эпикур (341—270 до н.э.) — древнегреческий философ. Характеризуя Эпикура как «типичного декадента», а его учение как «языческое учение об искуплении», Ницше имеет в виду этику Эпикура. В ней утверждалось, что по самой природе человеку присуще стремление к удовольствию и к тому, чтобы избегать страданий; «здоровое тело» и «безмятежность духа» понимались как цель счастливой жизни. По Эпикуру, независимость от внешнего мира, невозмутимость духа (атараксия) достигаются путем обучения и упражнения («аскезы»), но это не умерщвление плоти, а благоразумие. «От благоразумия произошли все остальные добродетели: оно учит, что нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно». Достижение невозмутимости требует свободы от всех забот и тревог, прежде всего от страха смерти. Смерть не имеет к нам отношения: пока мы живы, ее нет, когда есть она, то нет нас. По мнению Ницше, ни Будда, ни Христос не учили о загробном воздаянии (в отличие от исторического христианства). В эпикуреизме

décadent; я первым рассмотрел в нем такового... Страх перед болью, даже перед бесконечно малой величиной боли — может ли окончиться он чем-то иным, нежели религией любви...

31

Я наперед дал свой ответ на вопрос. Ответ предполагает, что тип искупителя дошел до нас в сильно искаженном виде. Искажение весьма вероятно и само по себе; едва ли такой тип (по многим причинам) мог сохраниться чистым, цельным, свободным от прибавлений. Видимо, оставило свои следы и milieu (Среда (фр.)), в каком обитала эта чуждая фигура, но еще больше следов истории, судеб первой христианской общины: задним числом тип искупителя наделили чертами, которые объясняются исключительно условиями войны и целями пропаганды. В странный нездоровый мир вводят нас евангелия — мир как в русском романе, где, будто сговорившись, встречаются отбросы общества, неврозы и «наивно-ребяческое» идиотство: в этом мире сам тип при любых обстоятельствах должен был упроститься; особенно первые ученики переводили это бытие неуловимых символов и непостижимостей на язык своей неотесанности, только так они могли что-то понять в нем; для них тип наличествовал только после того, как они вместили его в более известные им формы... Пророк, мессия, грядущий судья, учитель морали, чудотворец, Иоанн Креститель³³ — вот сколько возможностей неверно воспринять сам тип... Не будем наконец недооценивать и proprium (Непременное свойство (лат.)) всякого, в особенности сектантского культа: почитание стирает в возлюбленном существе любые оригинальные, иной раз неприятно чужеродные черты и идиосинкразии; их попросту не замечают. Жаль, что рядом с этим интереснейшим *décadent*'ом не было своего Достоевского, я хочу сказать — жаль, что рядом не было никого, кто сумел бы воспринять волнующую прелесть такой смеси тонкости, болезненности и ребячливости. И последнее соображение: этот тип, будучи типом декадентским, мог на деле отличаться своебытным многообразием и противоречивостью, — такую возможность нельзя совершенно исключать. Тем не менее все говорит против нее: ведь как раз в таком случае предание, должно быть, необычайно точно и объективно запечатлело бы образ, у нас же есть основания предполагать обратное. Как бы то ни было, пропасть разделяет проповедующего на горах, озерах и лугах — это словно сам Будда (на почве, впрочем, отнюдь не индийской) — и агрессивного фанатика, смертельного врага жрецов и богословов, которого злоречивый Ренан возвеличил как *le grand maître en ironie* (Великий мастер иронии (фр.)). Сам я не сомневаюсь в том, что немало желчи (и даже *esprit* (Острый ум, остроумие (фр.))) перелилось на учителя из христианской пропаганды с ее возбужденностью, — всем ведь хорошо известна та бесцеремонность, с которой сектанты в целях самооправдания

Ницше видит древнегреческий вариант нигилизма, самый чистый, мудрый, лежащий за пределами всех религиозных обещаний о загробном воздаянии.

³³ Иоанн Креститель (или Иоанн Предтеча) — по преданию начал проповедовать о близящемся приходе мессии на берегах Иордана, в 27 г. н.э. крестил в водах Иордана и самого Христа. Был казнен царем Иродом Антипой (Мф. 14: 1—12).

перекраивают своих назидателен. Когда для схваток с богословами потребовался драчливый, гневливый, скоро судящий, коварно изобретательный богослов, они сотворили себе «бога» по потребности своей: без колебаний они вложили в его уста самые неевангельские понятия, без которых нельзя было теперь и шагу ступить,— вроде «второго пришествия», «Страшного суда», всякого рода земных ожиданий и обетовании...

32

И еще раз повторю: я возражаю против того, чтобы вносить фанатика в тип искупителя; одно слово *impérieux* (Властный (фр.)), каким пользуется Ренан, уничтожает сам тип. «Благая весть» — она ведь как раз о том, что противоречий больше нет; царство небесное принадлежит детям; вера, какая заявляет здесь о себе, — она не завоевана, она просто здесь, с начала, это как бы ребячливость, задержавшаяся в сфере духа. По крайней мере физиологи знают феномен запоздалого полового созревания с органическим недоразвитием, — следствие дегенерации... Когда так веруют, то не злятся, не сердятся, не сопротивляются; эта вера не приносит «меч» — и не подозревает, сколько бы всего могла разделить. Эта вера не доказывается ни чудесами, ни наградами, ни обетованиями, тем более уж не «писанием»; она всякий миг сама себе чудо, награда, доказательство, «царство божие». Эта вера и не формулируется — она живет, противясь формулам. Конечно, все случайное — окружение, язык, запас впечатлений — определяет какой-то круг понятий: первоначальное христианство пользуется исключительно иудейско-семитическими понятиями (сюда относится еда и питье на вечере — понятия, которыми, как и всем иудейским, сильно злоупотребила церковь). Однако воздержимся от того, чтобы видеть здесь не просто знаки, семиотику, повод к сравнениям, а нечто большее. Никакое слово нельзя здесь понимать дословно — для нашего антиреалиста это неперемное условие, иначе он вообще не сможет говорить. В Индии он пользовался бы понятиями санкхья³⁴, в Китае — понятиями Лао-цзе³⁵, да и не заметил бы разницы... При известной терпимости к собственной манере выражаться мы могли бы назвать Иисуса «вольнодумцем»: ведь для него все прочное, устойчивое — ничто; слово убивает, и все твердое — убивает. «Жизнь» как понятие, нет, как опыт — ничего иного он не знает — противится в нем любым словам, формулам, законам, догматам, символам веры. Он говорит

³⁴ Санкхья — одна из шести ортодоксальных, то есть признающих авторитет Вед, школ древнеиндийской философии. Санкхья признает существование двух начал: пракрити (материальная первопричина) и пуруша (сознание, дух, «Я»). Материальное первоначало активно, является основой существования всех реальных объектов; дух пассивен. Освобождение от закона кармы, то есть круговорота рождений и смертей, от страданий достигается путем возвращения к своему подлинному «Я», выхода из материального мира с его причинно-следственными связями. Эта техника освобождения разработана в другой школе — Йоге.

³⁵ Лао-цзы — полупоупендарный основатель древнекитайского даосизма, ему приписывается написание в VI в. до н.э. трактата «Дао дэ цзин». Сравнивая воззрения Иисуса с учением Лао-цзы, Ницше имеет в виду даосское учение о недеянии, бездействии (у-вэй), то есть подчинении естественному порядку, «пути» (дао) всех вещей, отсутствии всяких стремлений, идущих вразрез с дао.

лишь о самом глубоком, внутреннем: «жизнью», или «истиной», или «светом», — вот как он называет это глубоко внутреннее, а все прочее — вся действительность, вся природа, даже сам язык — наделено для него лишь ценностью знака, подобия... Мы не должны тут ошибиться, сколь бы велик ни был соблазн христианского — я хочу сказать церковного — предрассудка: подобная символика *par excellence* — она вне пределов религии, культовых понятий, вне пределов истории, естествознаний, опыта общения, любых знаний, всей политики, психологии, любых книг, всего искусства, и его «знание» — это, по сути дела, знание «чистого простеца»³⁶ (который не знает и того, что такие вещи вообще существуют на свете). О культуре он и не слыхал, так что ему и не приходится бороться против нее — он ее не отрицает... То же можно сказать и о государстве, обо всем гражданском обществе и распорядке, о труде, о войне — у него не было причин отрицать «мир», он и не подозревал о существовании такого церковного понятия — «мир»... Отрицать — вообще невыносимая для него вещь... Равным образом отсутствует диалектика, и нет представления о том, что веру и «истину» можно обосновывать какими-то доводами (его доказательства — это внутренние вспышки света, ощущение удовольствия в душе, самоутверждение — все «доказательства силы»)... Такое учение не в состоянии и возражать, нет ведь тут вообще понимания того, что есть иные учения, нет представления о том, что можно рассуждать как-то иначе... Если случится натолкнуться на что-то подобное, можно будет, внутренне глубоко сочувствуя, печалиться о «слепоте» других, — сам-то ведь видишь «свет», — но нельзя возразить...

33

Психология «евангелия» не ведает понятий вины и наказания, не ведает и «вознаграждения». «Грех» и любая дистанция между богом и человеком упразднены, в том-то и заключается «радостная весть». Блаженство не обещают и не связывают с выполнением условий: блаженство — единственная реальность, а остальное — знаки, чтобы говорить о ней...

Последствия такого положения переносятся на новое поведение, собственно евангельское. Не «вера» отличает христианина — он действует; он отличается тем, что поступает иначе. Тем, что ни словом, ни душой не противится тому, кто творит ему зло. Тем, что не признает различия между соплеменником и иноземцем, между иудеем и неиудеем («ближний» — это, собственно, единоведец, иудей). Тем, что ни на кого не гневается, никем не пренебрегает. Тем, что не ходит в суды и не дается

³⁶ Характеристика Христа как «идиота» была опущена в первых изданиях «Антихристианина» (цензура сестры — Э. Фёрстер-Ницше). Характеристика эта, по мнению большинства исследователей, восходит к одноименному роману Ф. М. Достоевского. Именно по ассоциации с романом он употребляет слово «идиот» в письмах к Брандесу и Стринбергу, а также в «Ницше против Вагнера», во фрагментах, вошедших в «Волю к власти». О влиянии романа свидетельствуют и сравнения евангелий «с миром русского романа», и сожаления, что «вблизи этого интереснейшего из декадентов не жил какой-нибудь Достоевский». Достоевского Ницше считал «единственным психологом», у которого он «хоть чему-либо научился». Параллели между романами Достоевского и философскими трудами Ницше проводились многими исследователями.

им в руки (он «не клянется»). Тем, что ни при каких обстоятельствах не разводится с женой, даже если неверность ее доказана... Все в сущности одно, следствие одного инстинкта...

Жизнь искупителя и была лишь таким практическим поведением, — смерть — не чем иным... Ему не нужны были формулы и ритуалы общения с богом — не нужно было даже молиться. С иудейским учением о покаянии и примирении он свел счеты — ему известно, что лишь благодаря практическому, жизненному поведению можно чувствовать себя «божественным», «блаженным», «евангельским» — во всякую минуту ощущать себя «сыном божьим». Не «покаяние», не «молитва о прощении» ведет к богу, а одно лишь евангельское поведение; оно-то и есть «бог»... Вот чему положило конец евангелие — иудаизму с его понятиями «греха», «прощения грехов», «веры», «спасения верой»: «радостная весть» означала отрицание всего церковного учения иудаизма.

Единственная психологическая реальность «искупления» — это глубочайшее инстинктивное понимание того, как надо жить, чтобы ощущать себя живущим «на небесах», в «вечности», — тогда как при любом ином поведении отнюдь не пребываешь «на небесах»... Не новая вера, а новый путь жизни...

34

Если я хоть что-то смыслю в этом человеке, в нем, думавшем символами, так это вот что: как реальность, как «истину» он воспринимал лишь реальность внутреннего, а все прочее, природное, временное, пространственное, историческое, понимал лишь как знак, как материал своих притч. «Сын человеческий» — не конкретная историческая личность, не что-то отдельное и уникальное, а извечный факт, психологический символ, свободный от связи с понятием времени. То же, причем в самом высоком смысле, верно сказать и о боге, как типично символистски представлял себе его этот человек, и о «царстве божьем», «царстве небесном», о «сынах божьих». Нет ничего менее христианского, чем церковные огрубления — личный бог, «царство божие», которое грядет, «царство небесное» по ту сторону, «сын божий» в качестве второй ипостаси Троицы. Все это — простите за выражение — кулаком в глаз евангелия, — да в какой глаз! Все это — всемирно-историческое циническое глумление над символом... И ведь очевидно, к чему относятся эти знаки — «отец», «сын», — очевидно, но не для всякого ока, это я признаю: слово «сын» подразумевает приобщение к совокупному чувству преображения всего на свете (блаженство), а слово «отец» — само это чувство, чувство вечности и завершенности всего... Стыдно припоминать, во что обратила церковь такую символику — не выставлена ли у порога христианской «веры» история Амфитриона?³⁷ А еще догмат о «непорочном зачатии»?.. Да ведь им опорочено зачатие...

³⁷ «Не выставлена ли у порога христианской «веры» история Амфитриона?» В древнегреческой мифологии Амфитрион — сын тиринфского царя Алкея, внук Персея. Ницше имеет в виду наиболее распространенный и получивший ряд литературных переработок сюжет: пока Амфитрион участвовал в

«Царство небесное» — это состояние сердца, а отнюдь не то, что находится «над землею» и грядет «после смерти». Понятие о естественной смерти вообще отсутствует в евангелии: смерть — не мост, не переход, совсем нет смерти, потому что она принадлежит лишь кажущемуся миру, от которого только та польза, что в нем можно черпать знаки. И «смертный час» — тоже не христианское понятие: для проповедующего «радостную весть» нет «часа», нет времени, нет и физической жизни с ее кризисами... «Царство божие» не ждут — для него нет ни вчерашнего, ни послезавтрашнего дня, и через тысячу лет оно не грядет — это только опыт сердца: оно повсюду, оно нигде...

35

«Радостный вестник» умер, как жил, как учил, — не ради «искупления людей», а для того чтобы показать, как надо жить. Практическое поведение — вот что завещал он человечеству: свое поведение перед судьями, перед солдатами, перед обвинителями, перед всевозможной клеветой и издевательствами, — свое поведение на кресте. Он ничему не противится, не защищает своих прав, не делает и шага ради того, чтобы предотвратить самое страшное, — более того, он еще торопит весь этот ужас... И он молит, он страдает и любит вместе с теми и в тех, кто чинит ему зло... Не противиться, не гневаться, не призывать к ответу... И злу не противиться — любить его...

36

Только мы, чей ум раскован, только мы обрели предпосылку для уразумения того, что неверно понимали в течение девятнадцати столетий, — прямо, ставшую инстинктом и страстью: она со «священной ложью» воюет еще непримиримее, чем с любой иной... Все это время люди были несказанно далеки от нашей деликатной и осторожной нейтральности, от той дисциплины духа, которая позволяет угадывать столь чуждые, столь тонкие вещи: всегда люди нагло и себялюбиво искали лишь собственной выгоды, вот и церковь построили в пику евангелию...

Если искать признаки того, что за великой игрою миров скрывается божество, перебирающее веревочки в своих ловких пальцах, немало даст тот колоссальной величины вопросительный знак, который получил наименование христианства. Человечество преклоняется перед обратным тому, в чем заключались исток, смысл, оправдание евангелия; в понятии «церковь» человечество освятило все то, что преодолел и превозмог «радостный вестник»... — напрасно искать более грандиозную форму всемирно-исторической иронии...

военных походах, Зевс принял его образ, явился к его жене Алкмене и от него Алкмена зачала Геракла. Ницше иронически приравнивает этот сюжет к христианскому учению о непорочном зачатии и рождении Христа.

Наш век гордится своим , чувством истории: как же мог он уверовать в этот бред — будто христианство началось с грубой побасенки о чудотворце-искупителе, а все духовно-символическое — только итог позднейшего развития?! Совсем наоборот: история христианства, начиная со смерти на кресте,— это история все более грубого непонимания изначальной символики. По мере распространения христианства, захватывавшего широкие массы некультурных народов, чуждых тем условиям, при которых христианство зародилось, все более необходимо становилось придавать христианству вульгарный и варварский вид — так христианство усвоило вероучения и обряды всех подземных культов в *imperiū Romanū* (Римская империя (лат.))³⁸, так оно впитало в себя бестолковщину всех видов большого разума. Судьба христианства определена с неизбежностью: вера должна была стать столь же нездоровой, низменной и вульгарной, сколь нездоровыми, низменными и вульгарными были потребности, какие надо было удовлетворить. И наконец, все это больное варварство складывается, церковь — его сумма, и она становится силой — церковь, эта форма смертельной вражды к любой благопристойности, любому возвышению души, любой дисциплине духа, любой искренней и благожелательной человечности... Есть ценности христианские и есть — благородные: только мы, чьи умы раскованы, восстановили эту величайшую ценностную противоположность!..

Я не в силах подавить вздох... В иные дни меня охватывает чувство, мрачнее самой черной меланхолии — презрение к людям. И чтобы не было сомнений в том, что я презираю, кого презираю, скажу: это современный человек, человек, с которым я фатально одновременен. Современный человек — его нечистое дыхание душит меня... К прошлому я, подобно всем познающим, куда терпимее, то есть великодушнее и самоотверженнее: я прохожу через тысячелетний дом — мир умалишенных и, как бы он ни именовался — «христианством», «христианской верой», «христианской церковью», прохожу по нему с мрачной настороженностью, не решаясь привлекать человечество к ответственности за его душевные болезни. Но все резко меняется, и мое чувство прорывается наружу, когда я вступаю в новейшее, в наше время. Оно наделено ведением... Что вчера — болезнь, то сегодня — неприличие... — сегодня неприлично быть христианином. И во мне зарождается чувство омерзения... Оглядываюсь по сторонам: не осталось ничего от того, что когда-то именовалось «истиной», и нестерпимо для нас слышать слово «истина» из уст жреца. Сегодня и при самой скромной потребности в благопристойном надо знать, что богослов, жрец, папа не заблуждаются, но лгут, — лжива каждая произносимая ими фраза, и они уже не вольны лгать «невинно» и «по неведению». Жрец, как и всякий человек, тоже знает, что нет ни «бога», ни

³⁸ Подземные культы *imperiū Romanū* — распространившиеся в последние века существования Древнего Рима различные восточные религиозные учения, соперничавшие с христианством и пролагавшие ему дорогу (митраизм, культы Кибелы, Адониса и др.).

«грешника», ни «искупителя», что «свобода воли» и «нравственный миропорядок» — ложь: серьезно и глубоко преодолевающий самого себя дух уже никому не позволяет не ведать о том... Распознаны в своей сути все церковные понятия — самая злокозненная фальсификация, какая только есть на свете, предпринятая для того, чтобы обесценить природу и любые естественные ценности. Распознан в своей сути жрец — опаснейший паразит, ядовитый паук жизни... Мы знаем, и наша совесть знает, чего стоят, чему служат жуткие вымыслы жрецов и церкви — с их помощью достигнуто то состояние самооскопления, когда вид человечества внушает омерзение... — это понятия «мира иного», «Страшного суда», «бессмертия души», самой же «души», это орудия пыток, целые системы жестокости, посредством которых правил и утверждал свою власть жрец... Всякому это известно — и все остается по-старому. Где последние остатки приличия, уважения к самим себе, если наши государственные мужи — люди откровенные, антихристиане во всем, во всех своих делах — называют себя христианами и идут ко причастию?.. Государь во главе своих полков — великолепное зрелище, выражение себялюбивости и высокомерия своего народа... — и вот он бесстыдно именуется христианином!.. Но кого же в таком случае отрицает христианство? Что называется «миром»? Вот что: человек — судья, солдат, патриот; человек защищается, когда на него нападают, блюдет свое достоинство, имеет свою гордость, ищет для себя выгоды... Поведение в каждый отдельный момент жизни, всякий инстинкт, любая оценка, становящаяся поступком, — все сегодня противоречит христианству, все — антихристианское: каким же чудовищно лживым уродом должен быть современный человек, чтобы, несмотря на все это, не стыдиться называть себя христианином!..

39

... Вернусь назад и расскажу дополнительную историю христианства... Уже само слово «христианство» основано на недоразумении; в сущности, был один христианин, и тот умер на кресте³⁹. Само «евангелие» умерло на кресте. То, что с той минуты называют «евангелием», всегда было обратным тому, ради чего он жил, — было «дурной вестью», дисангелием. Ложно и бессмысленно видеть

³⁹ В сущности, был один христианин, и тот умер на кресте». Ср. оценку Христа в «Так говорил Заратустра»: «Поистине, слишком рано умер тот еврей, которого чтут проповедники медленной смерти: и для многих стало теперь роковым, что он слишком рано умер.

Он познал еще только слезы и уныние еврея вместе с ненавистью добрых и праведных — этот еврей: тогда объяла его тоска по смерти.

Зачем не остался он в пустыне и вдали от добрых и праведных! Быть может, он научился бы жить и научился бы любить землю, и любить смех!

Верьте мне, братья мои! Он умер слишком рано, он сам отрекся бы от своего учения, если бы достиг моего возраста! Достаточно разумен был он, чтобы отречься!

Но незрел был он. Незрело любит юноша и незрело ненавидит он человека и землю. Еще привязаны и тяжелы у него крылья и чувства духа его» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Спб., с. 96).

отличительный признак христианина в «вере», например в вере в искупление грехов Христом: христианское — лишь в практическом поведении, в жизни, подобной той, какую вел распятый... Еще и сегодня возможно так жить, для некоторых это даже неизбежно: подлинное, первоначальное христианство возможно во все времена... Не веровать, а действовать, прежде всего многого не делать, быть иначе... Состояния сознания, вера, затем то, что мы считаем истинным,— всякому психологу это известно,— они совершенно безразличны и пятистепенны в сравнении с ценностью инстинктов: говоря точнее, все понятие духовной причинности насквозь ложно. Сводить свою христианскую веру к мнениям, к феноменам сознания — значит отрицать христианство. На деле никаких христиан не было. То, что на протяжении двух тысяч лет называют «христианином»,— это психологическое недоразумение, непонимание самих себя. Если присмотреться поближе, то в нем, в этом «христианине», несмотря на всю его «веру», царили инстинкты — и что за инстинкты!.. «Вера» во все времена, например у Лютера, была только предлогом, маскарадом, занавесом, — позади играли инстинкты; «вера» была благоразумной слепотой на предмет известных инстинктов, воцарившихся в человеке... «Вера» — я уже назвал ее собственно христианским благоразумием: о «вере» без конца толковали, а поступали, как подсказывал инстинкт... В мире представлений христианина нет ничего, что хотя бы отдаленно соприкасалось с действительностью, и в инстинктивной ненависти к любой действительности мы обнаружили движущий элемент христианства, единственный движущий его элемент, скрытый в самом его корне. Что следует отсюда? Что и *in psychologicis* заблуждение радикально — оно определяет сущность христианства, оно субстанциально. Стоит устранить одно-единственное понятие, поставить на его место реальность — и христианство отправится в небытие!.. Если бросить взгляд с высоты, то этот поразительный факт, самый непостижимый из всех, какие только есть, именно факт существования религии, которая не просто обусловлена заблуждениями, но которая изобретательна или даже гениальна лишь в области вредоносных и отравляющих жизнь и душу заблуждений, этот факт — зрелище для богов, для богов-философов, с которыми я повстречался, к примеру, во время знаменитых бесед на острове Наксос⁴⁰. В тот момент, когда чувство омерзения начинает отступать в них (и в нас!), они благодарны за это зрелище христианина: быть может, уже ради столь любопытного феномена жалкая звездочка по прозванию Земля заслуживает того, чтобы боги мельком бросили на нее взгляд и проявили к ней свое божественное участие... Не будем недооценивать христианина: лживый до невинности, христианин куда выше обезьяны — при взгляде на христианина известная теория происхождения видов кажется простой учтивостью...

40

... Фатальность евангелия была предрешена смертью — оно висело на «кресте»... Лишь неожиданная позорная смерть, лишь крест, предназначавшийся в

⁴⁰ «Бесед на острове Наксос». Видимо, Ницше имеет в виду бракосочетание Диониса и Ариадны (его стихотворение «Плач Ариадны»).

общем и целом для *canaille* (Чернь (фр.)), — вот только вся нестерпимо жуткая парадоксальность и поставила учеников перед настоящей загадкой: кто же это был? кем же он был?.. Потрясенное, оскорбленное в глубине чувство, подозрение, что, быть может, такая смерть опровергает дело их жизни, страшный знак вопроса — «Почему так?!» — это слишком понятно. Тут все обязано было быть необходимым, обладать смыслом, разумом — высшей разумностью: для любящего ученика нет ничего случайного. Вот и разверзлась пропасть: кто убил его? кто мог быть врагом его по природе? — вопрос словно молния. Ответ: господствующий иудаизм, высший слой иудейства. И с этого момента они почувствовали, что бунтуют против существующего порядка; задним числом у них и сам Иисус бунтует против существующего порядка. До той поры эта воинственная черта отсутствовала в его образе, отсутствовало это Нет слова и дела, — более того, он был живой противоположностью такого Нет. Явно, маленькая община не уразумела главного — сколь образцова его смерть, сколь выше он всякого *ressentiment'a* — признак того, как мало они его вообще понимали! Ведь Иисус, умирая, ничего иного и не мог желать, кроме как публично представить самое сильное свидетельство в пользу своего учения и этим доказать его... Но его ученики были далеки от того, чтобы простить ему такую смерть, — а это было бы по-евангельски в высшей степени, — не говоря уж о том, чтобы со всей невозмутимой блаженной кротостью в сердце пойти на такую же смерть... Вновь вышло наружу самое неевангельское из чувств — мстительность. Никак нельзя было смириться с тем, что вместе с его смертью погибло все их дело — нет, требовалось «возмездие», нужен был «суд» (но есть ли что менее евангельское, чем «возмездие», «наказание», «судилище!»). И вновь в народе на первый план выдвинулось ожидание мессии, все взоры устремлены к известному историческому моменту: «царство божие» грядет и будет судить своих врагов... Но ведь это же полное непонимание всего: «царство божье» — и завершительный акт истории! «Царство божье» — и обетование! Ведь евангелие было наличным бытием, исполнением, реальностью «царства». Как раз такая смерть и была «царством божьим»... Только теперь на тип учителя и перенесли все презрение и озлобленность, какие испытывали к фарисеям и богословам, — тем самым учителя самого превратили в фарисея и богослова! С другой стороны, эти вовсе разладившиеся души с их необузданным поклонением уже не могли дольше сносить евангельское равенство всех людей: всякий по праву сын божий, чему учил Иисус, — и вот их мщение: они стали безудержно превозносить Иисуса, отрывать его от самих себя — совсем как в былые времена иудеи, которые, мстя врагам, отделили от себя своего бога и безмерно возвысили его. Единый бог и единый сын божий — оба порождения *ressentiment'a*...

41

... А тогда всплыла абсурдная проблема: как попустил господь! На что взбудораженным сознанием крохотной общины был найден ответ до ужаса абсурдный: бог принес своего сына на заклание ради прощения грехов. Вот и покончено с евангелием, да как! Искупительная жертва, да еще в самой

отвратительной, варварской своей форме — невинного приносят в жертву за грехи виновных! Какое устрашающее язычество!.. Ведь Иисус упразднил понятие «вины» — он устранил пропасть, разделявшую бога и человека, его жизнь была этим единством бога и человека — его «радостной вестью»... Единством не как привилегией!.. С той поры в тип искупителя постепенно, шаг за шагом, проникают догмат о суде и втором пришествии, догмат о смерти как искупительной жертве, догмат о воскресении из мертвых, а этим последним изгоняется раз и навсегда понятие «блаженства», единственная реальность, какая заключалась в евангелии, изгоняется в пользу некоей жизни после смерти!.. Такое понимание, такое разнузданно непристойное разумение было логически истолковано Павлом — с наглостью раввина, отличавшей его во всем: «...если Христос не воскрес, то... тщетна и вера ваша»⁴¹ ... И сразу же, единым махом, евангелие превращено в самое презренное из всех несбыточных обетований, в бесстыжее учение о личном бессмертии... А Павел еще проповедовал о бессмертии как награде!..

42

Теперь видно, чему наступил конец со смертью на кресте — новым, вполне независимым начаткам буддийского мирного движения, фактическому, а не просто обещанному счастью на земле. Ибо, как я уже подчеркивал, главное различие между этими двумя религиями *décadence*'а таково: буддизм не обещает, а держит слово, христианство обещает все, а слова не держит... Следом за «благой вестью» — весть наисквернейшая, Павлова... Павел воплощал в себе тип, противоположный «радостному вестнику», — он гений ненависти, гений видений ненависти, неумолимой логики ненависти. Чем только не жертвовал ненависти этот дисангелист! Сначала он принес в жертву искупителя — прибил его к своему кресту. Жизнь, пример и образец, учение, смерть, смысл и оправдание евангелия — ничего не осталось, как только этот, ненавистью призванный фальшивомонетчик осознал, чем может воспользоваться. Не реальностью, не исторической правдой!.. И жреческий инстинкт иудея повторил прежнее свое великое преступление против истории — он просто-напросто вычеркнул вчерашний и позавчерашний день христианства, он сочинил всю историю первоначального христианства. Более того, он вновь перекроил историю Израиля, чтобы она представлялась предысторией его подвига: все пророки глаголали о его «искупителе»... А впоследствии церковь даже историю человечества переделала в предысторию христианства... Тип искупителя, учение, практическое поведение, смерть, смысл смерти, даже события после смерти — ничто не оставили в покое, ничто уже даже не походило на реальность. Центр тяжести всей жизни искупителя Павел перенес в «мир иной» — в ложь о «воскресшем» Иисусе. Ему, собственно, жизнь искупителя и не была нужна, а нужна была его смерть и еще кое-что сверх того... Родиной Павла была столица

⁴¹ «Если Христос не воскрес, то... тщетна и вера ваша». Ницше несколько изменяет текст послания апостола Павла: «...А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша... А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна...» (1 Кор. 15: 14, 17).

стоического просвещения⁴², и считать его честным человеком, когда он на галлюцинации строит доказательство посмертной жизни искупителя, верить его рассказам об этой самой галлюцинации,— то была бы *niaiserie*(Простоватость (фр.)) со стороны психолога: Павел был заинтересован в цели, значит, был заинтересован и в средствах... Во что он сам не верил, в то верили идиоты, которым он кинул свое вероучение... Он чувствовал потребность во власти; в лице Павла вновь рвался к власти жрец,— ему нужны были понятия, догматы, символы, с помощью которых можно было тиранить массы, сгонять людей в стада. Что впоследствии позаимствовал в христианстве Мухаммед? Одно — выдумку Павла, его средство утверждения жреческой тирании: веру в бессмертие, то есть учение о «суде»...

43

Перенося центр тяжести жизни в «мир иной» — в Ничто, отнимают у нее центр тяжести вообще. Великая лож личного бессмертия разрушает разум, уничтожает естественность инстинкта — все, что есть в инстинкте благодетельного, все, что способствует в нем жизни и обеспечивает будущее, все это отныне возбуждает подозрение. Жить так, чтобы не было в жизни смысла, — вот что становится теперь смыслом жизни... Для чего здравый смысл, для чего чувство благодарности к отечеству и предкам, зачем трудиться вместе с другими, доверять им, споспешествовать общему благу, заботиться о нем?.. Сколько «соблазнов», отвлекающих от правого пути... а необходимо одно... Чтобы каждый, будучи «бессмертной душой», равнялся всем прочим, чтобы в собрании всех живых существ «спасение» каждого отдельного человека могло претендовать на непреходящую значимость и ничтожный ханжа и всякий свихнувшийся на три четверти бездельник могли воображать, будто ради них будут непрестанно нарушаться законы природы,— столь бесконечное и бесстыдное возрастание всяческого себялюбия невозможно бичевать с достаточным презрением. И все же христианство обязано своими победами этой жалкой лести, возбуждавшей тщеславие личности, — так убедили принять христианство неудачников и бунтовщиков, всяких подонков, всевозможные убожества. «Спасение души» — а в переводе: «Весь мир вращается вокруг меня»... Самую отраву вероучения — «равные права для всех» — христианство сеяло наиболее последовательно; оно — из самых потаенных уголков дурных инстинктов — вело ожесточенную войну с чувствами почтительности и дистанции, разделяющими людей, иными словами — самой основной предпосылкой возвышения, роста культуры: из *ressentiment*'а масс христианство выковало главное орудие борьбы с нами, со всем благородным, радостным, восторженно-приподнятым, что только ни есть на земле, орудие борьбы против нашего земного счастья... Признать «бессмертие» всякого Петра и Павла значило совершить величайшее, значило совершить ужаснейшее злодеяние в отношении благородного человечества... Не будем недооценивать и той

⁴² «Родиной Павла была столица стоического Просвещения». Павел родился не в Иудее, а в Тарсе, где преобладало языческое население. Будучи иудеем, он имел римское гражданство, был знаком с греческой культурой. Параллели между христианством и римским стоицизмом проводили многие исследователи.

фатальности, которая благодаря христианству проникла во все, вплоть до политики! Сейчас никто не смеет притязать на особые привилегии, на права господства, на почтительное отношение к себе и себе подобным, — никто не решается настаивать на пафосе дистанции... Наша политика больна малодушием!.. Аристократизм умонастроения был коварно-подпольно подорван ложью о равенстве душ, и если вера в «преимущественные права большинства» творит и будет еще творить революции, то именно христианство — можете в том не сомневаться! — именно христианские суждения ценности переводят любую революцию в одно сплошное море крови и преступлений! Христианство — это восстание пресмыкающихся по земле против всего, что стоит и высится: евангелие «низких» принижает...

44

Евангелия неопределимы как свидетельства неудержимой порчи, какой подвергалась уже первоначальная община. Впоследствии Павел с цинической последовательностью раввина довел этот процесс упадка до его логического завершения, но начался он со смерти искупителя... Евангелия надо читать с наивозможной осторожностью — трудности подстерегают за каждым словом. Признаюсь — и меня поймут, — что именно этим евангелия доставляют ни с чем не сравнимое удовольствие психологу — в них обратное наивной порче, в них утонченность *par excellence*, подлинное мастерство психологического растления. Евангелия — нечто совсем особенное. Вообще Библию не с чем сравнивать. Ты среди иудеев — первое, что необходимо принять к сведению, иначе потеряешь нить. Тут все гениально облачается в одежды «святости» — ни в книгах, ни среди людей не найти ничего хотя бы отдаленно схожего, и художественность чеканки фальшивых слов и жестов зависит здесь не от отдельного, случайного дарования, не от какой-либо исключительной натуры. Нет, тут нужна порода! Все иудейство — серьезнейшая, развивавшаяся на протяжении сотен лет практика и техника иудаизма — достигает окончательного совершенства в христианстве — искусстве святой лжи. Христианин, *ultima ratio* (Конечное основание (лат.)) лжи, — это иудей вдвойне, нет — тройне... Принципиальное желание и намерение пользоваться лишь теми понятиями, символами, жестами, какие подтверждены практикой жрецов, инстинктивное неприятие любой иной практики, любого иного подхода к ценности и пользе, — все это не просто традиция, это — наследственность: лишь наследственность творит как сама природа. Все человечество обманулось — даже лучшие умы всех времен обманулись (за вычетом одного, который, быть может, вовсе нелюдь). Евангелие читали как книгу невинности — немалый намек на то, с каким же искусством тут лицедействуют... Конечно, случись нам увидеть их воочию, хотя бы мельком, хотя бы на ходу, — замысловатых ханжей и профессиональных святош, — и всему бы наступил конец, — я же, читая слова, всегда вижу за ними жесты: вот почему я и кончаю с ними. Терпеть не могу их манеру возводить очи... К счастью, для большинства людей книги — только писанина... Нельзя дать ввести себя в заблуждение; они говорят: «Не судите!», а сами отправляют в преисподнюю все, что встает у них на пути. У них судия — бог,

но судят-то за него они сами; они возвеличивают бога, а в его лице — самих себя; они требуют добродетелей, какими обладают сами же, и более того — тех, без которых не могли бы сохранить свое верховенство,— создается видимость, будто они стремятся к добродетели и борются за ее утверждение. «Мы живем, и умираем, и жертвуем собою ради блага» (или «истины», или «света», или «царства божия»),— на деле они делают то, чего не могут никак перестать делать. Тихони и святоши, они крадутся неслышно, сидят по углам, в тени словно тени,— все это вмещается ими в обязанность: раз обязанность, они живут смиренно, а смирение лишней раз доказывает благочестивость... Ах, какая смиренная, целомудренная, милосердная лживость! «Сама добродетель свидетельствует в нашу пользу»... Читайте евангелия как книги, вводящие в соблазн нравственностью: они, эти люди, наложили свою лапу на мораль,— а вы ведь знаете, как обстоит дело с моралью! Удобнее всего водить человечество за нос посредством морали!.. Действительность же такова: самомнение избранных абсолютно сознательно играет в смирение; «общину», «благих и праведных» раз и навсегда поставили по одну сторону (это сторона «истины»), — а остаток, «мир», — по другую... Вот самый роковой вид мании величия, какой когда-либо существовал на земле: ничтожные уроды-ханжи и лжецы начали притязать на понятия «бог», «истина», «свет», «любовь», «мудрость», «жизнь» — словно бы это были синонимические обозначения их самих, — начали отгораживаться от остального «мира»; иудейская мелкота — иудейская в совершенной степени и созревшая для того, чтобы заселить собою все бедламы мира,— принялась перелицовывать ценности по своему разумению — так, как если бы христианин был смыслом, солью, мерой и даже «Страшным судом» всего, что остается от человечества... Этакая фатальность! Она стала возможной вследствие того, что уже существовала родственная, близкая по породе мания величия — иудейская; как только между иудеями и иудео-христианами разверзлась пропасть, у последних не оставалось выбора — им пришлось применить против самих иудеев те самые процедуры самосохранения, на какие толкал иудейский инстинкт; прежде иудеи пользовались ими лишь против неиудеев. Христианин — все тот же иудей более «вольного» пошиба.

45

Вот образчики того, что вдолбили себе эти ничтожества, что вложили в уста учителя, — сплошь признания «прекрасных душ»...

«И если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу» (Мк. 6 : 11). Ах, как это по-евангельски!..

«А кто соблазнит одного из малых сил, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море» (Мк. 9 : 42). Ах, как по-евангельски!..

«И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в царствие божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную...» (Мк. 9 : 47)⁴³. Подразумевается же отнюдь не глаз.

«Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят царствие божие, пришедшее в силе» (Мк. 9:1). Хорошо наврал, лев⁴⁴...

«Кто хочет идти за мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за мною. Ибо...» (Примечание психолога: христианская мораль опровергается этими «ибо»; ее «основания» ее опровергают — это по-христиански) (Мк. 8 : 34—35).

«Не судите, да не судимы будете... какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7:1). Какое же понятие о справедливости, о «праведном» судье!..

«Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (Мф. 5:46—47). Принцип «христианской любви»: надо, чтобы в конце концов ее хорошо оплачивали...

«...А если не будете прощать людям согрешения их, то и отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6:15). Это сильно компрометирует так называемого отца...

«Ищите же прежде царства божия и правды его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). «Все» — значит еда, одежда, все необходимое для жизни. Мягко говоря, заблуждение... Незадолго до того бог являлся в роли портного, по крайней мере в известных случаях...

«Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их» (Лк. 6:23). Бесстыжая чернь! Уже и с пророками сравнивает себя...

«Разве не знаете, что вы храм божий, и дух божий живет в вас? Если кто разорит храм божий, того покарает бог: ибо храм божий свят; а этот храм — вы» (1 Кор. 3:16—17). К подобным вещам нельзя отнестись с достаточным презрением...

«Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?» (1 Кор. 6:2)⁴⁵. Увы! не

⁴³ Мк. 9: 47—48. Ницше ошибочно указывает только 47.

⁴⁴ «Хорошо наврал, лев». По традиции евангелист Марк изображался в образе льва (Лука — агнец, Иоанн — орел, Матфей — человек).

⁴⁵ 1 Кор. 6: 2. Ницше подчеркивает «вами», тогда как в оригинале подчеркнута «дела».

просто речь безумца... Этот чудовищный обманщик продолжает затем: «Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские!»⁴⁶

«Не обратил ли бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал бога в премудрости божией, то благоугодно было богу юродством проповеди спасти верующих... Не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал бог, чтобы упразднить значащее,— для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред богом» (1 Кор. 1:20—21, 26—29) Чтобы понять это место — свидетельство первостепенной важности для психологии чандалы с ее моралью, читайте первый раздел моей «Генеалогии морали» — там впервые выявлена противоположность морали аристократической и морали чандалы, рождаемой *ressentiment*'ом и бессильной мстостью. Павел был величайшим из апостолов мщения...

46

Что же следует отсюда? Что недурно надевать перчатки, когда читаешь Новый завет. Уже близость нечистот вынуждает поступать так. Напрасно отыскивал я в Новом завете хотя бы одну симпатичную черту — ни независимости, ни доброты, ни откровенности, ни прямоты... Человечности тут и не бывало, — не выработался еще инстинкт чистоплотности... В Новом завете сплошь дурные инстинкты, и нет мужества сознаться в них. Сплошная трусость: на все закрывают глаза, обманывают самих себя. После Нового завета любая книга покажется чистой; вот пример: непосредственно после Павла я с восторгом читал самого прелестного и дерзкого насмешника Петрония⁴⁷, о котором можно было бы сказать то самое, что Доменико Боккаччо писал герцогу Пармскому о Цезаре Борджа⁴⁸: «*è tutto festo*» — он наделен бессмертным здоровьем, бессмертной веселостью и во всем превосходит... Ничтожные ханжи просчитались в главном. Они на все наускаивают, но на что ни наскочат, все этим отмечено — все замечательно. На кого нападет «первый христианин», тот об него не измарается... Напротив, если

⁴⁶ Здесь Ницше изменяет пунктуацию—«!» вместо «?», подчеркнуто «мы» вместо «дела»: «Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?» Вероятно, это не случайные ошибки — Ницше стремится показать самомнение Павла и первых христиан вообще, отсюда подчеркиваемые им «вами», «мы», замена вопросительного знака на восклицательный.

⁴⁷ Петроний Гай — римский писатель I в. н.э., автор «Сатирикона». Будучи придворным Нерона, был обвинен в участии в заговоре и покончил с собой в 66 г.

⁴⁸ Цезарь Борджиа (Цезаре Борджа) (ок. 1475—1507) — сын папы Александра VI, стал епископом в 16 лет, кардиналом в 18, затем снял с себя духовный сан, с 1498 г.— герцог Валентине, с 1501 г.— герцог Романьи. Честолюбивым замыслам Борджиа, ради которых он шел на любые преступления, положила конец смерть его отца (отравившегося приготовленным для гостей ядом). Был вынужден покинуть Италию и умер в Наварре. В идеализированном виде был изображен Макиавелли; Ницше неоднократно обращался к образу Цезаря Борджиа, полагал, что неосуществившейся возможностью Ренессанса был Цезарь Борджиа на папском престоле, то есть разложение христианства изнутри и полное преобразование Европы.

«первые христиане» против тебя, это делает тебе честь. Читая Новый завет, чувствуешь симпатию к тому, что там попирают ногами, — не говоря уж о «мудрости мира сего», которую наглый болтун напрасно пытается посрамить «юродством проповеди»... Даже книжники и фарисеи выигрывают от таких неприятелей: Должно быть, они чего-то да стоили, коль скоро ненавидели их столь непристойным манером. Лицемерие — вот уж упрек к лицу «первым христианам»!.. В конце концов книжники были привилегированным сословием — этого достаточно, морали чандалы не требуется иных оснований. «Первый христианин» — боюсь, последний тоже (его я, быть может, еще застану) — бунтует против привилегий, следуя самому подлому своему инстинкту: он всегда живет и борется за «равные права»!.. Если пристальнее всмотреться, у него нет другого выбора. Если тебе угодно быть «избранником божьим», или «храмом божьим», или судить ангелов, тогда любой иной принцип отбора, — например, по порядочности, по уму, по мужественности и гордому достоинству, по красоте души и щедрости сердца,— это просто «мир», то есть зло в себе... Мораль: каждое слово в устах «первых христиан» — ложь, каждый их поступок — инстинктивная фальшь, все их ценности и цели вредоносны, а ценностью обладает тот, кого они ненавидят, обладает то, что они ненавидят... Христианин, особенно христианин-жрец,— это особый критерий ценности... Надо ли говорить, что во всем Новом завете только одно лицо вызывает уважение к себе и что это Пилат, наместник Рима? Принимать всерьез иудейские перебранки? Нет, на это он не пойдет. Иудеем больше, иудеем меньше — что ему?.. Аристократическая насмешка римлянина, перед которым бесстыдно злоупотребляют словом «истина», обогатила Новый завет единственно ценным высказыванием — в нем критика и уничтожение самого же христианства: «Что есть истина?» ..

47

... Нас разделяет не то, что мы не находим бога — ни в истории, ни в природе, ни по-за природой... Нас разделяет то, что почитаемое богом мы воспринимаем не как «божественное», а как далекое, пагубное и абсурдное, не как заблуждение, а как преступление перед жизнью... Мы отрицаем бога как бога .. Если бы нам доказали, что христианский бог существует, мы бы еще меньше веровали в него... Согласно формуле: *deus qualem Paulus creavit, dei negation*(Бог, каким его сотворил Павел, есть отрицание бога (лат.))... Религия типа христианской, ни в одной точке не соприкасающаяся с действительностью и немедленно гибнущая, как только мы признаем правоту действительности хотя бы в одной точке, такая религия не может не враждовать с «мудростью мира сего», сиречь с наукой, — она благословит все средства, пригодные для того, чтобы отравить, оклеветать, осрамить дисциплину духа, честность и строгость в делах, затрагивающих совесть духа, благородную холодность и независимость духа. Императив «веры» налагает вето на науку — *in grahi* (На практике (лат.)) сие означает: ложь любой ценой... Павел понял, что нужна ложь, то есть нужна «вера»; позднее церковь поняла Павла... «Бог», выдуманный Павлом, бог, посрамляющий «мудрость мира сего» (значит, в узком смысле слова двух великих супротивниц суеверия — филологию и медицину),— на

самом деле всего лишь категорическая решимость самого Павла «посрамить»: называть же «богом» свою собственную волю, тору,— исконно иудейское обыкновение. Павел вознамерился посрамить мудрость мира сего, его враги — хорошие филологи и врачи александрийской выучки; им-то и объявляет он войну. И верно: нельзя быть филологом и врачом и не быть при этом антихристианином. Ведь филолог видит, что стоит за «священными книгами», а врач видит, что стоит за физиологической деградацией типичного христианина. Врач говорит: «Неизлечим»; филолог говорит: «Подлог»...

48

... Понят ли, собственно говоря, знаменитый рассказ начала Библии — рассказ о боге, который испытывает адский страх перед знанием?.. Нет, не понят. Книга жрецов *par excellence*, ясное дело, начинается с тех огромных внутренних трудностей, какие переживает жрец: для жреца одно очень опасно, значит, и для бога одно очень опасно...

Ветхий бог — сплошной «дух», первосвященник и само совершенство — прогуливается по своему саду. Только что ему скучно. И боги тоже безуспешно борются со скукой. Что ж делать? Он выдумывает человека — тот его развлечет... Но смотри-ка, и человеку скучно. И милосердие бога не знает границ: он сжалился над единственной бедой всякого рая и создал других животных. Первая ошибка: животные вовсе не развлекли человека,— он стал господином их и вовсе не намеревался быть сам «животным»... Тогда бог создал женщину. И тут скуке, верно, пришел конец — но и многому другому! Женщина была второй ошибкой бога... «Женщина по своей сути змея, Ева» — это знает каждый жрец; «Все беды — от женщины» — и это он знает. «Следовательно, от нее и наука»... Лишь из-за женщины человек вкусил от древа познания... Что же произошло? Ветхим богом овладел адский страх. Оказалось, что человек — самая большая из его ошибок, он в нем создал соперника себе,— благодаря знанию становишься как бог, — так что конец жрецам и богам, если только человек станет ученым!.. Мораль: наука запретна как таковая, она одна и находится под запретом. Наука — первый грех, зародыш всякого греха, первородный грех. Только в том и мораль... «Ты не должен познавать» — все остальное вытекает отсюда... Адский страх не помешал богу поступать благоразумно. Как воспрепятствовать науке? Это на долгое время стало основной проблемой, волновавшей его. Ответ: надо изгнать человека из рая! Счастье, праздность наводят на мысли, а все мысли — дурные... Человек не должен думать... И «жрец в себе» изобретает беды, смерть, беременность с ее болями, все мыслимые виды нищеты, дряхлости, трудов, прежде всего недуги — всё годные средства борьбы с наукой! Нужда помешает человеку думать... И однако! О ужас! Дело познания растет, высится, штурмует небеса, несет с собой сумерки богам,— что делать?!.. Ветхий бог придумывает войны (жрецам всегда была нужна война...). Война помимо прочего великая помеха науке!.. Невероятно! Несмотря на войны возрастают познание и независимость от жреца!.. И тогда ветхий бог принимает

последнее решение: «Человек стал ученым, — ничего не поделаешь, надо его утопить!»...

49

Вы меня поняли. Начало Библии содержит полную психологию жреца... Одно опасно для жреца — наука, здравое разумение причин и следствий. Однако наука в целом процветает лишь при благоприятных обстоятельствах, — чтобы «познавать», нужен излишек времени, излишек ума... «Следовательно, надо сделать человека несчастным» — вот во все времена логика жреца... Вы уже угадываете, что, согласно этой логике, появилось вслед за тем на свет, — «грех»... Понятия «вины» и «кары», весь «нравственный миропорядок» — все это придумано как средство против науки — против отделения человека от жреца... Нельзя, чтобы человек выглядывал наружу; надо, чтобы он всегда смотрел только внутрь себя; нельзя, чтобы он умно и осторожно вглядывался в вещи, не надо, чтобы он вообще замечал их: пусть он страдает!.. И пусть страдает так, чтобы поминутно испытывать потребность в жреце... Долой врачей! Нам нужен спаситель... Понятия вины и кары, включая сюда и учение о «благодати», об «искуплении», о «прощении», — ложь от начала до конца, лишенная какой бы то ни было психологической реальности, — все это придумано для того, чтобы разрушить в человеке чувство причинности, все это — покушение на понятие о причинах и следствиях!.. Притом покушение, совершенное не голыми руками и не с кинжалом в руке, не с открытой и честной ненавистью и любовью в душе! Покушение самых хитрых, трусливых, низменных инстинктов! Покушение жрецов, паразитов! Вампиризм бледных подпольных кровопийц!.. Если естественные последствия поступка уже не признаются «естественными», если считается, что их произвели суеверные призраки понятий — «бог», «духи», «души», что они суть лишь моральные последствия поступка — награды, кары, знамения, средства назидания, — то тогда предпосылки познания уничтожены и это означает, что совершено величайшее преступление перед человечеством... Скажем еще раз: грех, форма самооскопления человека *par excellence*, придуман для того, чтобы сделать невозможными науку, культуру, возвышение, благородство человека; выдумав грех, жрец царит...

50

Не упущу случаи изложить сейчас психологию «веры», «верующих» — и по справедливости в пользу самих «верующих». Сегодня еще есть немало таких, кто не ведает, сколь неприлично быть «верующим», — признак *décadence*'а, сломленной воли к жизни, — на завтра это узнают все. Мой голос достигнет и до тугоухих... Если только я не ослышался, у христиан в ходу критерий истины, называемый «доказательством силы». «Вера спасает, — значит, она истинна»... Уместно было бы возразить — спасение, блаженство, еще не доказано, а только

обещано: блаженство поставлено в зависимость от «веры» — спасешься, если будешь веровать... Но как доказать, что обещания жреца сбудутся,— ведь они относятся к недоступному нашему контролю «миру иному»... Итак, мнимое «доказательство силы» — не что иное, как вера в то, что следствие веры не преминет наступить. Вот формула: «Верую, что вера спасает, — следовательно, она истинна»... Ну вот мы и закончили. Ведь это «следовательно» — воплощенный *absurdum*... Однако если мы чуточку уступим и предположим, что спасение верой доказано (не просто желательно и не просто обещано устами жреца, всегда будящими сомнение), то разве блаженство, или, если выразиться терминологичнее, разве удовольствие служило когда-либо доказательством истины? Отнюдь нет, скорее напротив: если чувство удовольствия соучаствовало в решении вопроса о том, что истинно, то это вызывает сильнейшее недоверие к «истине». Доказательство от «удовольствия» — это доказательство в пользу «удовольствия», и не более того; кто, ради всего на свете, мог бы полагаться на то, что именно истинные суждения доставляют большее удовольствие, нежели ложные, и что, в согласии с предустановленной гармонией, именно они непременно повлекут за собой приятные чувства?.. Опыт всех строго мыслящих, глубоких умов учит обратному. Приходилось отвоевывать каждую полосу истины, жертвуя почти всем, к чему обыкновенно привязаны наше сердце, наша любовь, наше доверие к жизни. Необходимо величие души: служение науке — самая тяжкая служба... Что же значит быть порядочным в делах духа? Это значит быть суровым к своему сердцу, презирать «красивые чувства», скрупулезно взвешивать каждое Да и Нет!.. Вера спасает, — следовательно, она лжет...

51

Что вера при известных обстоятельствах спасает, что блаженство не превращает навязчивую идею в идею истинную, что вера не сдвигает горы, а только при случае воздвигает их там, где их раньше не было,— все это достаточно проясняется, стоит хотя бы второпях пройти по дому умалишенных. Проясняется, но не для жреца,— этот будет инстинктивно отрицать, что ложь — это ложь, а дом умалишенных — дом умалишенных. Христианство нуждается в болезни — примерно так, как греки нуждались в преизбытке здоровья: задняя мысль всей системы спасения — сделать человека больным. А сама церковь? Разве ее идеал — не кафолический дом умалишенных?.. Не вся земля как дом умалишенных?.. Религиозный человек, какого хочется церкви,— это типичный *décadent*; эпохи религиозных кризисов, овладевавших людьми, всегда отмечены эпидемиями неврозов; «внутренний мир» религиозного человека и «внутренний мир» перевозбужденных, переутомленных людей похожи как две капли воды; «высшие» состояния души — ценность из ценностей, вознесенных христианством над всем человечеством,— состояния эпилептоидные; церковь канонизировала *in majorem dei honorem* (В вящую славу божию (лат.)) безумцев или великих обманщиков... Однажды я позволил себе назвать методично вызываемым *folie circulaire* (Циркулярный психоз (фр.)) христианский *training* покаяния и спасения (его всего лучше изучать теперь в Англии),— конечно, такой недуг принимается на

хорошо подготовленной, то есть болезнетворной, почве. Никто не волен становиться христианином, никого нельзя «обратить» в христианство — сначала надо сделаться достаточно больным для этого... А мы, смеющие быть здоровыми и смеющие презирать,— сколь велико наше право презирать религию, которая научила не разуметь тело! Которая обратила «недостаточное питание» в «заслугу»! Которая видит врага, дьявола, соблазн — в здоровье! Которая убедила себя в том, что «совершенная душа» может разгуливать в полусгнившем теле, и которая ради этого вынуждена была скроить для себя особое понятие «совершенства» — болезненную, бескровную, идиотски мечтательную «святость» — святость, заключающуюся лишь в ряду симптомов загубленного, слабосильного, безнадежно испорченного тела!.. Христианство в Европе с самого начала было движением отбросов, лишних элементов общества — они в христианстве домогаются власти. Христианство не означает деградации расы, в нем — агрегатное образование толпящихся, тяготеющих друг к другу форм *décadence'a*, какие стекаются отовсюду. Не порча самой античности, не порча ее аристократизма обусловила, как нередко думают, появление христианства,— надо со всей решительностью возражать ученым идиотам, утверждающим подобные вещи. Как раз к тому времени, когда все слои чандалы Римской империи усваивали христианство, в самом прекрасном и зрелом своем виде наличествовал противоположный тип — аристократия. Однако большое число взяло верх; победил демократизм христианских институтов... Христианство не было обусловлено ни «национально», ни расово,— оно обращалось ко всем обездоленным, обойденным жизнью, у него повсюду были союзники. В глубине христианства живет *gancine* (Мечь, злоба (фр.)) больных людей, инстинкт, направленный против здоровых, против здоровья. Все хорошо уродившееся, гордое, озорное и прекрасное вызывает у него боль в ушах и резь в глазах. Напомню слова Павла, которым цены нет: «...бог избрал немудрое мира... и немощное мира избрал бог... и незнатное мира и униженное...» Вот формула, *in hoc signo* (Сим знаком (лат.)) победил *décadence*... Бог, распятый на кресте, — неужели до сих пор не понятно ужасное коварство этого символа?.. Божественно все страдающее, распятое на кресте... Мы все распяты на кресте, — следовательно, мы божественны... Одни мы божественны... Христианство победило, а более благородное умонастроение погибло в борьбе с ним. До сих пор христианство — величайшее несчастье человечества.

52

Христианство противостоит также всякой благоустроенности духа, — в качестве христианского в дело годится лишь больной разум; христианство берет сторону идиотского и клянет «дух» с его *superbia* (Высокомерие, гордыня (лат.)). Если же болезнь неотъемлема от христианства, то типично христианское состояние «веры» — непременно форма болезни, и церковь обязана отвергнуть все прямые, честные, научные пути познания — все они для нее под запретом. Даже сомневаться — грех... Полное отсутствие психологической чистоплотности выдает себя уже во взгляде жреца — это последствие *décadence'a*, стоит понаблюдать за истерическими барынями, рахитичными детьми, чтобы понять, что инстинктивная

лживость, ложь ради лжи, неспособность глядеть прямо в глаза, идти напрямиком,— это закономерное выражение *décadence*'а. «Вера» означает: ты не хочешь знать правду. Пиетисты — жрецы обоего пола — лживы, потому что нездоровы: инстинкт требует, чтобы права истины не были удовлетворены и в самом малом. «Болезненное — благо, а то, что идет от изобилия, сильное и полнокровное,— зло» — таково чувство верующего. Непроизвольная ложь — вот как я угадываю, кому на роду написано быть богословом... Другой признак богослова — неспособность к филологии. Под филологией понимаем здесь, в самом общем смысле, умение хорошо читать — считывать факты, не искажая их интерпретацией, не утрачивая осторожности, терпения, тонкости в своем стремлении к уразумению. Филология — *эфексис* (Настоятельность (греч.)) интерпретации,— идет ли речь о книгах, о газетных новостях, о судьбах или о погоде, не говоря уж о «спасении души»... Богослов же всегда, будь то в Берлине или Риме, толкует и слово, и переживание столь смело,— например, победу национальной армии в высшем свете псалмов Давидовых,— что филолог в отчаянии лезет на стенку. Да и что ему остается, если пиетисты и прочие швабские коровы-недотепы жалкие свои будни, копоть своего обыденного бытия обращают в чудо «благодати», «провидения», «священного опыта» посредством «перста божия»! Самого крохотного усилия духа, чтобы не сказать грана благоприличия, было бы достаточно, чтобы показать толкователю все неподобающее и ребячливое в таком злоупотреблении ловкостью перстов господних. Будь в нас самомалейшая крупичка благочестия, и бог, который вовремя излечивает нас от насморка и подает нам карету за секунду до того, как начнется страшный ливень, показался бы столь абсурдным, что, даже если бы он существовал, следовало бы сделать так, чтобы его больше не было. Бог-посыльный, бог-письмоноша, бог — предсказатель погоды — в сущности обозначение самых нелепых случайностей, совпадений... «Божественное провидение», в которое в нашей «культурной Германии» продолжает верить каждый третий, может служить самым сильным аргументом против бога. И во всяком случае это аргумент против немцев!..

53

... Что мученичество доказывает истинность чего-либо — это столь ложно, что мне не хотелось бы, чтобы мученики когда-либо являлись с истиной. Уже тон, в котором мученик швыряет свои мнения в головы людей, выражает столь низкий уровень интеллектуальной порядочности, такую бесчувственность к «истине», что мучеников и не приходится опровергать. Истина ведь не то, что у одного будет, а у другого нет: так в лучшем случае могут рассуждать крестьяне или крестьянские апостолы вроде Лютера. Можно быть уверенным: чем совестливее человек в делах духа, тем он скромнее и умереннее. Скажем, он сведущ в пяти вещах и тогда очень деликатно отрицает, что сведущ еще в чем-либо сверх того... А «истина» в разумении пророков, сектантов, вольнодумцев, социалистов и церковников вполне доказывает нам, что тут не положено и самое начало дисциплины духа и самоопределения — того, без чего не открыть и самой малой, мельчайшей истины... Кстати заметим: мученические смерти — большая беда для истории: они

соблазняли... Умозаключение всех идиотов, включая женщин и простонародье: если кто-то идет на смерть ради своего дела, значит, в этом деле что-то да есть (тем более, если «дело» порождает целые эпидемии самогубства). Однако такое умозаключение сделалось невероятным препятствием для исследования — для критического, осторожного духа исследования. Мученики нанесли ущерб истине... И сегодня необдуманых преследований достаточно, чтобы самая бездельная секта начала пользоваться почетом и уважением... Как?! Неужели ценность дела меняется от того, что кто-то жертвует ради него жизнью?.. В почтенном заблуждении лишний соблазн: думаете ли вы, господа богословы, что мы дадим вам повод творить мучеников вашего лживого дела?.. Кое-что можно опровергнуть, почтительно положив под сукно; так опровергают и богословов... Всемирно-историческая глупость состояла именно в том, что преследователи придавали делу своих врагов видимость чего-то почтенного,— они даровали ему притягательную силу мученичества... Еще и сегодня женщины склоняются перед заблуждением — им сказали, что некто умер за него на кресте. Разве крест — аргумент?... Но во всем этом лишь один сказал слово, какого ждали тысячелетия, — Заратустра.

«Кровавые знаки писали они на дорогу, какой шли, и простота их учила, что кровью доказывается истина.

Однако кровь — самый ненадежный свидетель истины; кровь отравляет и самое чистое учение, обращая его в фанатическую ненависть в сердце.

И если кто пошел в огонь за свое учение,— что этим доказывается! Воистину больше — если учение выходит из пламени твоей души».

54

Не дадим сбить себя с толку: великие умы были скептиками. Заратустра — скептик. Сила и независимость, приистекающие из мощи, из сверхмогущества духа, доказываются скепсисом. Люди с убеждениями совсем не к месту, когда затрагивается ценность чего-либо существенно важного. Убеждения что темница. Не много видишь вокруг себя, не оглядываешься назад,— а чтобы судить о ценном и неценном, нужно, чтобы ты преодолел, превзошел сотню своих убеждений... Стремящийся к великому ум, если он не пренебрегает средствами, непременно станет скептическим. Независимость от любых убеждений неизбежна для сильного, для умеющего вольно обозревать все окрест... Великая страсть — основа и сила его бытия, просвещеннее, деспотичнее его самого,— занимает без остатка весь его интеллект, учит его не церемониться понапрасну, внушает ему мужество пользоваться далеко не святыми средствами и при определенных обстоятельствах даже позволяет ему иметь убеждения. Убеждение как средство: немало такого, что можно достичь лишь благодаря убеждениям. Великая страсть нуждается в убеждениях и пожирает их; она не покорствуется им,— она суверенна... Напротив:

потребность в вере, в безусловных Да и Нет, карлейлизм⁴⁹, если простят мне это слово,— это потребность слабого. Человек веры, «верующий» — во что бы он ни веровал,— это непременно зависимый человек, он не полагает себя как цель, вообще не полагает себе цели так, чтобы опираться на самого себя. «Верующий» не принадлежит сам себе, он может быть лишь средством, его пускают в дело, ему самому нужен кто-то, кто пожрет его. Он инстинктивно превыше всего ставит мораль самоотречения — к тому подводит его все: благоразумие, опыт, тщеславие. Любая вера выражает самоотречение, самоотчуждение... Если поразмыслить над тем, что подавляющему большинству людей крайне необходим регулирующий принцип, который вязал бы их извне, что принуждение, рабство в более высоком смысле слова — это первое и единственное условие процветания слабовольных людей, особенно женщин, начинаешь понимать смысл убеждений, «веры». Убеждения — внутренний стержень. Не замечать многого, ни в чем не быть независимым, во всем односторонность, жесткое и предопределенное извне видение любых ценностей — иначе такому человеку не выжить. Но тогда он антагонист истины, прямая ей противоположность... Верующий вообще не волен решать вопрос об «истинном» и «неистинном» по совести: будь он порядочен в одном этом, он незамедлительно погибнет. Его видение патологически предопределено: так из человека с убеждениями вырастает фанатик — Савонарола, Лютер, Руссо, Робеспьер, Сен-Симон⁵⁰, — тип, противостоящий сильному уму, сбросившему с себя цепи принуждения. Однако грандиозная поза этих больных умов, этих эпилептиков рассудочности производит свое действие на массу,— фанатики красочны, а человечеству приятнее видеть жесты, нежели выслушивать доводы...

55

Еще шаг вперед в психологии убеждений, «веры». Я уже давно предложил для размышления тему: не опаснее ли для истины убеждение, нежели ложь («Человеческое, слишком человеческое», ч. 1, афоризм 54 и 483). На сей раз я хотел бы поставить вопрос ребром: существует ли вообще противоположность лжи и убеждения?.. Все думают: да, существует,— но чего только не думают «все»!.. У каждого убеждения своя история, свои праформы, свои пробы и ошибки;

⁴⁹ Карлейль Томас (1795—1881) — английский философ, писатель, историк. В философии Карлейля содержится немало положений, которые перекликаются с ницшеанством: резкая критика церкви и буржуазного мира, ценностей современной культуры, «культ героев» в истории, возвышающихся над массой «посредственностей». Однако Карлейль идеализировал корпоративную структуру феодального общества (иногда истолковываемую как социализм); для Карлейля герои — высшие слуги человечества, а не «господа земли», как у Ницше, «сверхчеловек» которого принципиально отделяется от человека («человек есть то, что должно превозмочь», «человек есть канат, натянутый между обезьяной и сверхчеловеком», и т. д.).

⁵⁰ «Савонарола, Лютер, Руссо, Робеспьер, Сен-Симон». Объединение этих отличающихся по своим воззрениям мыслителей не является случайным. Савонарола — критик не только папской курии, но и языческих мотивов в ренессансной культуре XV в., отец Реформации Лютер, Ж. Ж. Руссо с его политическим учением, подготавливавшим Французскую революцию, и Робеспьер, воплощавший это учение в жизнь, наконец, Сен-Симон, один из первых теоретиков социализма — все они являются оппонентами Ницше, как фанатики — сторонники идеалов морали, равенства, демократии.

убеждение постепенно становится таковым, а до того оно долгое время не было убеждением и еще более длительное время почти не было убеждением. Так как же? Разве среди всех эмбриональных форм убеждения не встречалась ложь?.. Иной раз достаточно лишь сменить носителя: для сына убеждение то, что в отце его было ложью... Вот что я называю ложью: не желать видеть то, что видишь, и так, как видишь; вовсе не существенно, лжешь ты при свидетелях или наедине с собою. Лгать самому себе — самое обыкновенное дело; если ты лжешь другим, это уже (относительно) исключение... А надо сказать, что нежелание видеть то, что видишь, и таким, как видишь,— почти что главное условие для человека партии, в каком бы то ни было смысле; он непременно становится лжецом. Так, немецкая историография убеждена, что в Риме царил деспотизм, а германские племена принесли в мир принцип вольности,— так где же тут разница между убеждением и ложью? Стоит ли после этого удивляться тому, что все партии, в том числе и партия немецких историков, привычно произносят высокопарную мораль,— мораль ведь, можно сказать, и не умирает потому, что люди всевозможных партий всякий миг испытывают в ней потребность... «Таково наше убеждение; его мы исповедуем пред всем миром, мы живем и умираем ради него — мы требуем, чтобы убеждения уважались!»... Такие речи я слышал даже от антисемитов. Совсем все наоборот, господа! Антисемит не становится приличнее оттого, что лжет согласно принципу... У жрецов в таких вещах более тонкий нюх, и они прекрасно понимают возражение, заключенное в понятии убеждения, то есть принципиальной — целенаправленной лживости. А потому они усвоили благоразумный прием иудеев и вместо «убеждения» говорят — «бог», «воля божья», «откровение господне». И Кант с его категорическим императивом шел тем же путем — его разум сделался в этом отношении практически... Есть, мол, вопросы, где не человеку решать, в чем правда; самые высшие вопросы, самые высшие проблемы ценности недоступны человеческому разуму, они по ту сторону его... Постигать границы разума — вот настоящая философия... Для чего бог дал человеку откровение? Разве бог стал бы делать лишнее и ненужное? Человек и о себе самом не знает, что хорошо, что дурно, вот бог и научил его, в чем воля божья... Мораль: жрец не лжет; в том, что говорит жрец, нет «истинного» и «неистинного», потому что в таких вещах невозможно лгать. Чтобы лгать, надо знать, что истинно. А человек на это не способен, посему жрец — рупор господень... Такой жреческий силлогизм свойствен не только иудаизму и христианству; и право на ложь, и аргумент с благоразумностью «откровения» — все это неотъемлемо от типа жреца, все равно — жреца ли *décadence*'а или жреца языческого (язычники — все те, кто говорит жизни Да, для кого «бог» — великое Да, сказанное жизни)... «Закон», «воля божья» «священная книга», «боговдохновенность»,— сплошь обозначения условий, при которых достигает власти и удерживает свою власть жрец; такие понятия отыщутся в глубине любых жреческих устройств, любых жреческих или философско-жреческих систем господства. «Святая ложь» — она равно присуща Конфуцию, законам Ману, Мухаммеду, христианской церкви... Есть она и в Платоне⁵¹. «Вот истина» — эти слова, где только они ни раздаются, означают одно: жрец лжет...

⁵¹ Законы Ману. Приписываемая легендарному прародителю людей и первооснователю индийского государства система законов; древнейший памятник политико-правовой мысли Древней Индии, в котором

Напоследок важно, ради чего лгут. Христианство не ведает «священных» целей — таково мое возражение против его средств. Сплошь дурные цели — клеветать на жизнь, отравлять и отрицать ее, презирать тело, унижать и оскотпять человека понятием «греха». Раз так, все средства дурны... Законы Ману я читаю с противоположным чувством — несравненно более духовная, высоко стоящая книга! И называть ее на одном дыхании с Библией — грех против духа. Сразу догадываешься: за нею, в ней настоящая философия, а не раввинско-суеверный иудаизм; и самому избалованному психологу она задает задачи. Не забыть о главном — о фундаментальном отличии от любой библии: благодаря законам Ману рука благородных сословий, философов и воинов, поднята над чернью, во всем — аристократические ценности, ощущение совершенства, Да, обращенное к жизни, торжествующее чувство благополучия, внутреннего и внешнего... Вся книга залита солнцем... Здесь серьезно и доверительно, с почтением и любовью обсуждаются вещи, на которые христианство изливает свою бездонную гнусность,— зачатие, женщины, брак. А можно ли давать в руки женщинам и детям книгу с такими подлыми словами: «...во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа... ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться»⁵². И вправе ли кто-либо быть христианином, если самому возникновению человека понятием *immaculata conceptio* (Непорочное зачатие (лат.)) придан христианский, то есть грязный, смысл?.. Не знаю другой книги, где бы о женщине говорились столь чуткие и добрые слова, как закон Ману,— эти седобородые святые старики умели учтиво обращаться с женщинами. Так, в одном месте говорится: «Уста женщины, грудь девицы, молитва ребенка, дым жертвы вечно чисты». А в другом: «Ничего нет чище света солнца, тени коровы, воздуха, воды, огня и дыхания девушки». И, наконец, последнее — быть может, святая ложь: «Все отверстия тела выше пупка чисты, ниже — нечисты. Только у девушки все тело чисто».

Настигаешь *in flagranti* (На месте преступления (итал.)) всю несвятость христианства, — стоит только сопоставить христианские цели и цели законов Ману, стоит только ярким светом осветить их противоположность. Критик

определены обязанности и нормы поведения людей различных каст.

Конфуций (ок. 551—479 до н.э.) — древнекитайский философ, основатель наиболее влиятельной школы древнекитайской философии. Мухаммед — основатель ислама, Платон — древнегреческий философ. Здесь Ницше подчеркивает то общее, что имеется во всех этих религиозных, философских, правовых учениях («святая ложь»). Все они, с другой стороны, противопоставляются христианству, так как соответствуют его идеалам иерархически организованного общества, где правят «избранные», «благородные».

⁵² В одной фразе соединены два суждения апостола Павла о браке: «Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» и «Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор. 7: 2, 9).

христианства неизбежно явит всю презренность христианства... Законы Ману возникали, как любой порядочный свод законов,— они обобщали опыт, уроки, практическую мораль веков, подводили черту подо всем этим, не создавали ничего нового. Вот предпосылка кодификации — все понимают, что способы доставить авторитет истине, добытой временем и доставшейся дорогой ценою, решительно отличны от тех, с помощью которых истина доказывается. Кодекс законов не толкует о пользе законов, о причинах их установления и не занимается казуистикой из предыстории — вот тогда-то он утратил бы императивный тон («ты обязан!»), главное условие послушания. В этом вся проблема... В определенный момент развития народа один из слоев его — самый осмотрительный, то есть смотрящий вперед и оглядывающийся назад, объявляет заверренным круг опыта — опыта, в согласии с которым должно, стало быть, и можно жить. Цель в том, чтобы по возможности полно, без потерь, собрать урожай экспериментов и опыта — дурного, отрицательного. Значит, прежде всего надо воспрепятствовать тому, чтобы длилось экспериментирование, чтобы ценности оставались в прежнем подвижном состоянии, чтобы продолжались исследование, критика, отбор их *in infinitum* (До бесконечности (лат.)). Против того воздвигают двойную стену — сначала откровение: утверждают, что разумность законов будто бы не человеческой природы, что их будто бы отнюдь не искали и не находили лишь постепенно и путем ошибок, но что они — божественного происхождения и явились на землю все сразу и во всем совершенстве, без всякой истории, как чудо, как небесный дар... И другая стена — традиция: утверждают, что закон существовал с незапамятных времен, так что сомневаться в нем — неблагочестиво, преступно по отношению к предкам. Авторитет закона обосновывают такими положениями: бог дал, предки жили по закону... Высшее благоразумие такой процедуры заключается в следующем намерении: постепенно, шаг за шагом, отдалять, оттеснять сознание от жизни — от жизни правильной, понятой как правильная (то есть доказанной на основании колоссального и придирчиво процеженного опыта), так, чтобы достигался полный автоматизм инстинкта,— а это предпосылка любого мастерства, любого совершенства в искусстве жить. Составлять кодекс, подобный законам Ману,— значит признавать за народом право сделаться мастером и обрести совершенство — признавать его притязания на высочайшее искусство жить. Для этого жизнь должна перестать быть сознательной — цель всякой святой лжи... Кастовая иерархия (высший, над всем царящий закон) лишь освящает порядок природы, первостепенный естественный закон, над которым не властны ни произвол, ни какая-нибудь «современная идея». Во всяком здоровом обществе различаются и обуславливают друг друга три типа с разными в физиологическом смысле тяготениями центров тяжести — у каждого своя гигиена, своя сфера труда, свое особое мастерство и чувство совершенства. Не Ману, а природа разделяет людей духовных по преимуществу, людей по преимуществу мышечных, с сильным темпераментом и, наконец, третьих, не выдающихся ни в одном, ни в другом, посредственных. Третьи — большое число, а первые и вторые — элита. Высшая каста — назову их «теми, кого всех меньше»,— будучи совершенной, обладает и преимущественными правами тех, кого меньше всех,— среди этих прав привилегия воплощать на земле счастье, красоту и благо. Лишь наиболее духовным разрешена красота, разрешено прекрасное: лишь у них доброта

не слабость. *Pilchrum est paucorum hominum* (Красота - дело немногих людей (лат.)): благое — это привилегия. Зато дурные манеры или пессимистический взгляд (глаз, все безобразный) никому не воспрещены так, как им,— не говоря уж о возмущении тем, как вообще выглядят вещи в этом мире. Возмущаться — привилегия чандалы; тоже и пессимизм. «Мир совершенен — так говорит инстинкт самых духовных, инстинкт Да,— само несовершенство, все, что ниже нас, дистанция, пафос дистанции, даже возмущение чандалы — все это тоже относится к совершенству». Наиболее духовные — а они самые крепкие — обретают свое счастье в том, что грозило бы гибелью другим,— в лабиринте, в жестокости по отношению к себе и другим, в эксперименте; самообуздание им в радость; аскетизм становится в них природой, потребностью, инстинктом. Тяжесть задач — их привилегия, играть тяжестями, которые раздавят других, для них отдых... Познание — одна из форм аскетизма... Нет более почтенной породы людей, но нет и более радостной и достойной любви,— одно не исключает другого. Они господствуют не потому, что хотят, а потому, что они — господа; они не вольны быть вторыми... Вторые — это стражи права, устроители безопасности и порядка, это благородные воины, это прежде всего царь — высшая формула воина, судии, блюстителя закона. Вторые — исполнители, ближние самых духовных, берущие на себя все грубо-материальное в трудах правления,— их дружина, их правая рука, их ученики и последователи... И во всем, повторим, нет ничего произвольного, ничего надуманного, искусственного; все иное — искусственная постройка, а тогда растоптана природа... Порядок каст, иерархия, лишь формулирует высший закон самой жизни; различать три типа необходимо для того, чтобы поддерживать жизнь общества, обеспечивать существование все более высоких и наивысших типов человека: неравенство прав — первое условие для того, чтобы существовали права... Право — значит преимущественное право, привилегия. У всякого свое бытие — и свои преимущественные права. Не будем недооценивать права посредственностей. Чем выше, тем тяжелее жить,— холод усиливается, возрастает ответственность. Высокая культура всегда строится как пирамида: основание широко, предпосылка целого — консолидированная, крепкая и здоровая посредственность. Ремесло, торговля, земледелие, наука, большая часть искусств, короче, вся совокупность профессиональной деятельности,— все это сочетается лишь со средним уровнем умений и желаний; все подобные занятия были бы неуместны для человека исключительного,— необходимый инстинкт противоречил бы и аристократизму, и анархизму. Что ты общественно полезен, что ты и функция и колесико, предопределено природой: не общество, а то счастье, на которое только и способно подавляющее большинство людей, превращает посредственность в разумную машину. Для посредственности быть посредственностью счастье; быть мастером в чем-то одном, быть специалистом — к этому влечет природный инстинкт. Совершенно недостойно сколько-нибудь глубокого ума видеть в посредственности, как таковой, некий упрек. Посредственность сама по себе есть первое условие того, чтобы существовали исключения,— посредственностью обусловлена культура в ее высоком развитии. Исключительный человек более чутко и нежно обходится с посредственными, нежели с собой и себе подобными, и это не просто деликатность, — это долг. Кого больше всего ненавижу я среди нынешней черни? Апостолов чандалы,— они подрывают инстинкт рабочего с его

малым бытием, с его радостями, с его способностью довольствоваться немногим, они распалют в нем зависть, учат мщению... Не в неравенстве прав бесправие, а в претензиях на «равные» права... Что дурно? Но я уже сказал: дурно все, что идет от зависти, слабости, мстительности... Анархист, христианин⁵³ — одного поля ягода...

58

И верно, не все равно, ради чего лгать,— укрепляешь ты или разрушаешь. Между христианином и анархистом можно смело ставить знак равенства — и цели их, и инстинкт — все направлено лишь на разрушение. Доказательство читайте в истории — она приводит его с ужасающей ясностью. Мы только что познакомились с религиозным законодательством, целью которого было «увековечить» наивысшее условие того, чтобы жизнь цвела, грандиозную организацию общества,— а христианство нашло свое призвание в том, чтобы как раз покончить с такой организацией — именно потому, что жизнь в ней цвела. Там надо было заложить на пользу грядущих поколений разумный урожай длительных экспериментов и долгих неурядиц, собрав его по возможности полно, изобильно, без потерь,— здесь, напротив, единым махом, нежданно-негаданно, отравили весь урожай... Великолепнейшая из всех достигнутых доньше (в условиях неблагоприятных) форм организации, *imperium Romanum*, стоявшая аеге *perennius* (Долговечнее меди (лат.)),— в сравнении с нею все прочее частично, бесталанно, все любительская работа,— и вот святые анархисты сочли делом «благочестивым» разрушение «мира», то есть империи, пока все не было перевернуто ими вверх дном и германцы с прочими хамами не овладели всем... И христианин, и анархист — оба *décadents*, оба способны только разрушать, отравлять, губить, пить чужие соки, кровь; тот и другой воплощают инстинкт смертельной ненависти ко всему прочному и великому, долговечному, дарующему жизни будущее... Христианство — вампир Римской империи; оно единым махом перечеркнуло великий подвиг римлян, готовивших почву для великой культуры, которая уже располагала бы временем... Неужели это по-прежнему непонятно? *Imperium Romanum*, каким мы знаем его, каким все лучше узнаем по истории римских провинций, это поразительнейшее творение в монументальном стиле,— оно было только началом, строительство было рассчитано на века, которые оправдали и подтвердили бы его... С тех пор так не строили — не мечтали строить так, *sub specie aeterni* (Под знаком вечности (лат.))!.. Организация была столь крепкой, что выносила и дурных императоров: случайной личности ничего не поделаться с таким замыслом,— вот самый первый принцип архитектуры большого стиля. Но она была недостаточно

⁵³ Созвучие немецких *Christ* и *Anarchist* обыгрывается Ницше во всех поздних его работах. Исторически такое сопоставление кажется недостоверным, если учесть яростные обличения христианства со стороны анархистов, иногда в сходной с Ницше манере. Например, Бакунин писал: «Если бог — все, то реальный мир и человек есть ничто. Если бог — истина, справедливость и бесконечная жизнь, то человек — ложь, несправедливость и смерть. Если бог — господин, то человек — раб... Бог существует, значит, человек — раб». В свою очередь церковь всегда осуждала анархизм. Иисус Христос был понят Ницше как анархист, но он сам подчеркивал отличие всего последующего христианства от Христа. Анархизм и христианство едины для Ницше как порождения *ressentiment*, мстительной зависти слабых, проявления нигилизма. Отсюда и рифмуемые Ницше «нигилист» и «христианин» (*Nihilist und Christ*).

прочной, чтобы противостоять наихудшему виду порчи — христианину... Нечисть скрытно, неслышно подкрадывалась в ночной кромешной тьме к каждому, тянула его соки, отнимая серьезный взгляд на истину вещей, отнимая инстинкт реальности: шайка трусливых, медоточивых и женоподобных разбойников постепенно, незаметно уводила с колоссальной стройки «души» самых ценных, мужественно-благородных людей, для которых цели Рима были делом всей их жизни, их пафоса, их гордости. Ханжеские происки, тайные сходки, мрачные понятия вроде ада или невинной жертвы — или *unio mystica* (Мистическое единение (лат.)) кровопития,— а прежде всего медленно раздуваемое пламя мщения, мстительность чандалы,— вот что сделалось господином над Римом: та самая разновидность религии, с которой, еще до рождения ее, вел борьбу Эпикур. Читайте Лукреция⁵⁴ и вы поймете, против чего боролся Эпикур — не против язычества, а против «христианства», я хочу сказать — против растления душ понятиями вины, кары и бессмертия... Он боролся с «подпольными» культами, со всем скрытым христианством: отрицать бессмертие и в те времена было уже настоящим спасением... И Эпикур победил бы, всякий уважающий себя человек в Римской империи был эпикурейцем,— но тут явился Павел... Павел, эта ставшая плотью и духом ненависть чандалы, ненависть к «миру», этот иудей, этот вечный жид *par excellence*... Вот о чем он догадался — он догадался, как, опершись на малозаметное сектантское движение христиан, отколовшихся от иудаизма, разжечь «мировой пожар», как, воспользовавшись символом «распятого бога», постепенно сложить в колоссальное воинство все пресмыкающееся по земле, все тайно бунтующее — все наследие анархических беспорядков в Римской империи. «Спасение от иудеев»⁵⁵... Христианство как формула — превзойти любые подземные культы, культ Озириса, Великой матери богов, культ Митры⁵⁶, превзойти и сложить их: вот что понял Павел, вот в чем его гений. Инстинкт столь уверенно вел его, что он, безжалостно насилуя истину, вложил в уста сочиненному им «спасителю» (и не только в уста) все представления, какими способны были увлекать религии чандалы,— он превратил своего «спасителя» в нечто понятное даже и жрецу Митры... Вот в чем была суть «Дамаска»⁵⁷, мгновенного обращения: Павел понял, что нужна вера в бессмертие, чтобы отнять ценность у «мира»,— вооружившись понятием «ада», станешь господином даже над Римом, «мир иной» убьет жизнь... Нигилист/христ... — вот была бы рифма, и не только рифма...

⁵⁴ Лукреций; Тит Лукреций Кар — римский поэт I в. до н.э., эпикуреец по своим философским воззрениям.

⁵⁵ «Спасение от Иудеев» — Ин. 4: 22.

⁵⁶ Культы Озириса, Великой матери богов, культ Митры — восточные религии, проникшие в Римскую империю из Египта (Озирис), Сирии, Фригии (Великой матери), Ирана (Митры).

⁵⁷ «Суть «Дамаска». В Деяниях апостолов и в посланиях апостола Павла содержится история превращения гонителя христиан Савла в «апостола язычников» — Павла; по дороге в Дамаск его «осиял» божественный свет, он услышал голос Христа, который говорил ему: «Савл, Савл! что ты гонишь меня?» — и велел идти в Дамаск, где ослепший прозрел и стал апостолом (Деян. гл. 9).

Весь труд античного мира — все напрасно: не нахожу слов, чтобы выразить чувство ужаса, какое охватывает меня... А ведь то была лишь предварительная работа, гранитным самосознанием был заложен лишь самый фундамент для труда тысячелетий,— и весь смысл античного мира напрасен?!.. Для чего жили греки! Для чего жили римляне?.. Уже были созданы все предпосылки ученой культуры, все научные методы, уже сложилось великое, несравненное искусство хорошего чтения,— без этого немислима традиция культуры, единство науки; естествознание в союзе с математикой и механикой развивались наилучшим образом; чувство факта, самое главное и ценное из чувств, создало целые школы и имело за собой века традиции! Понятно ли это? В руках уже было все существенное — оставалось приступить к работе: ведь методы — надо неустанно твердить это — методы — главное, самое трудное, то, чему дольше всего противятся привычка и лень. Все завоеванное нами сегодня, все завоеванное ценой несказанного самообуздания — потому что дурные инстинкты, христианские инстинкты, все равно сидят еще в каждом из нас,— все завоеванное вновь — независимый взгляд на реальность, терпеливость, осторожность и серьезность в самом малом, честность и порядочность познания — все это было, все это уже было две тысячи лет назад! А сверх того еще тонкий такт и вкус! Никакой дрессировки мозгов! Никакой «немецкой» культуры с манерами хама! Нет, такт и вкус — в теле, в жесте, инстинкте, одним словом, в самой реальности... Все напрасно! Мгновение, и от всего осталось одно воспоминание!.. Греки! Римляне! Благородство инстинкта, вкус, методичность исследования, гений организации, гений управления, вера в будущее, воля к грядущему, великое Да, произнесенное всему на свете,— и все это зримо, зримо как *imperium Romanum*, зримо для всех чувств, монументальный стиль уже не просто искусство, а реальность, истина, жизнь... И все это вдруг засыпано, разрушено — и не стихийным бедствием! Растоптано — и не германцами, не их тяжелым сапогом! Нет, все попрыгано хитрыми, скрытными, незаметными вампирами без кровинки в лице! И не победили они — просто выпили всю кровь!.. Коварная мстительность, мелочная завистливость возобладали! Все жалкое, страждущее, обуреваемое скверными чувствами, все гетто души — все это во мгновение ока всплыло наверх!.. Почитайте кого-нибудь из христианских агитаторов, пусть то будет, например, святой Августин⁵⁸, и вы поймете, вы почувствуете, что за грязные личности вылезли на поверхность. Мы обманулись бы, предположив неразумность в вождях христианского движения,— ох, как они умны, умны до святости, эти господа отцы церкви! Им недостает совсем иного. Природа пренебрегла ими — она забыла придать им толику честных, благопристойных инстинктов, инстинкт чистоплотности... Да между нами, они вовсе и не мужчины... Ислам презирает христианство, и по праву, тысячу раз по праву: исламу требуются мужи...

⁵⁸ Св. Августин — Августин Аврелий (354—430), святой католической церкви, «блаженный» в православной; христианский богослов и философ, виднейший представитель латинской патристики, непререкаемый авторитет в вопросах религии и философии для католической церкви.

Христианство лишило нас урожая античной культуры. Позднее отняло у нас жатву культуры ислама. Чудесный мир мавританской культуры Испании⁵⁹ — он по сути родственнее нам, он больше говорит нашим чувствам, нашему вкусу, чем Греция и Рим, и этот мир был растоптан (я уж не говорю, какими ногами), и почему? А потому, что он был обязан своим возникновением мужским инстинктам, потому, что он говорил Да жизни — жизни со всеми редкостными и утонченными прелестями мавританской культуры!.. Потом крестоносцы сражались с культурой, перед которой им приличнее было бы пасть ниц,— в сравнении с нею и наш XIX век, должно быть, все еще слишком бедный, слишком «поздний»... Конечно, им хотелось добычи, а Восток был богат... Давайте смотреть непредвзято! Крестовые походы — то же пиратство, чуть повыше классом, а больше ничего! Тут немецкое дворянство, то есть по сути дела аристократия викингов, чувствовала себя в своей стихии; церковь доподлинно знала, для чего немецкое дворянство существует на свете: швейцарская гвардия церкви⁶⁰ испокон веку состояла на службе ее дурных инстинктов, но платили ей хорошо... Церковь вела ожесточенную войну со всем благородным, что только ни есть на земле, с помощью немецких мечей, немецкой крови, немецкого мужества! Сколько тут наболевших вопросов! В истории более высокой культуры почти никогда не встречаешь немецкого аристократа; нетрудно догадаться, почему... Христианство, алкоголь — два главных средства порчи... Тут будто бы и не было выбора: есть ислам и христианство, араб и иудей. Решение задано; никто не волен выбирать. Либо ты чандала, либо нет... «Война с Римом, война не на жизнь, а на смерть! Мир, дружба с исламом», — вот как чувствовал, вот как поступал великий вольнодумец, гений среди немецких императоров, Фридрих II⁶¹. Как?! Неужели немец должен быть гением, должен быть вольнодумцем для того, чтобы испытывать приличные чувства? Не понимаю, как немцы могли когда-либо чувствовать по-христиански...

Мы вынуждены коснуться здесь другой материи, в тысячу раз более болезненной для немца. Немцы лишили Европу последнего великого урожая

⁵⁹ «Чудесный мир мавританской культуры Испании». В результате завоевания большей части Пиренейского полуострова арабами в VII в. в Испании появилась блестящая арабская культура, которая просуществовала до конца XV в., когда завершилась Реконкиста — обратное завоевание всего полуострова христианами, испанцами и португальцами. Ницше имеет в виду европейское рыцарство, принимавшее активное участие в Реконкисте.

⁶⁰ «Швейцарская гвардия церкви». Начиная с XV в. наемные войска всех европейских государств в значительной мере состояли из швейцарцев. Ницше имеет в виду, что немецкие рыцари были наемниками церкви.

⁶¹ Фридрих II Гогенштауфен (1194—1250) — император «Священной Римской империи», король Сицилии. Во время крестовых походов познакомился с исламской культурой и многое от нее перенял; находился во враждебных отношениях с папским престолом, отличался вольнодумством — ему приписывается трактат «О трех обманщиках», то есть иудаизме, христианстве и исламе.

культуры — урожая Ренессанса. Его надо было сберечь для Европы. Понимаем ли мы в конце концов, хотим ли понимать, чем был Ренессанс? Переоценкой христианских ценностей, попыткой присудить победу обратному им, ценностям аристократическим, попыткой, предпринятой со всеми средствами, всеми инстинктами, всем гением... До сих пор была только одна такая великая война и не было времени, когда бы вопросы ставились столь решительно, — и мой вопрос тоже задан Ренессансом, — никогда до сих пор наступление не велось прямее, по всему фронту с нацеленностью в самый центр! Чтобы наступать в решающем месте, возвести на трон благородные ценности, то есть внести их в самый инстинкт, в глубинные потребности и желания восседающих на престоле... Вижу перед собой одну возможность, — и она выступает в неземном блеске и волшебной игре красок, кажется, что она расцветает трепетными нюансами утонченной красоты и творит ее искусство столь божественное, столь чертовски божественное, что напрасно роешься в тысячелетиях, отыскивая вторую такую возможность; вижу зрелище столь многомысленное, столь чудесно парадоксальное, что и у богов Олимпа был бы повод разразиться своим бессмертным смехом. Вот это зрелище: Чезаре Борджа — папа... Вы поняли меня?.. Ну хорошо, вот была бы победа, какой алкаю ныне... Сим было бы упразднено христианство!.. А что произошло вместо этого? Немец-монах по имени Лютер прибыл в Рим. И этот монах, со всеми мстительными инстинктами жреца-неудачника, засевшими в теле, возмутился в Риме против Ренессанса... Вместо того чтобы с глубокой благодарностью уразумевать в душе то чудовищно-колоссальное, что совершалось, — а именно преодоление христианства в самом его средоточии, — он лишь питал этим зрелищем свою ненависть. Религиозный человек думает только о себе... Лютер увидел порчу папства, тогда как можно было осязать руками обратное: древняя порча, *reccatum originale* (Первородный грех (лат.)), христианство, уже не восседало на троне пап! А восседала жизнь! Торжество жизни! Великое Да, обращенное ко всему новому, прекрасному, дерзновенному!.. И Лютер восстановил церковь — он объявил ей войну... Ренессанс — событие, лишённое смысла, великое Напрасно!.. Ах, эти немцы, во что они нам встали! Любое «Напрасно» — дело рук немцев... Реформация; Лейбниц; Кант и так называемая немецкая философия; «освободительные» войны; империя — каждый раз новая «напрасность» чего-то уже народившегося, а теперь безвозвратно утраченного... Признаюсь: они мои враги, эти немцы; презираю в них нечистоплотность понятий и ценностей, презираю их боязнь прямого и честного Да и Нет. За тысячу лет они все залапали и сваляли, чего ни касались; любая половинчатость, любая трехчетвертность, все недуги Европы — все на их совести; на их совести и самое грязное христианство, самое неизлечимое, самое неопровержимое, — протестантизм... Если людям не удастся справиться с христианством, виноваты будут немцы...

62

На этом я кончаю и выношу приговор. Я осуждаю христианство, я выдвигаю против христианской церкви самое страшное обвинение, какое когда-либо звучало

в устах обвинителя. Она для меня худшая из всех мыслимых порч, она обладала волей к самой ужасной, самой крайней порче. Христианская церковь не пощадила ничего и испортила все, каждую ценность она обесценила, каждую истину обратила в ложь, всякую прямоту — в душевную низость. Попробуйте еще говорить о ее благой, «гуманной» миссии! Устранять беды не в ее интересах, она жила бедами, она нуждалась в бедствиях, чтобы утвердиться навечно... Вот червь греха — этой-то бедой лишь церковь наградила человечество!.. А «равенство душ перед богом»? Эта ложь, этот предлог для гансисес подлых людей, эта взрывчатка, обратившаяся теперь в революцию, современную идею и принцип гибели всего общественного правопорядка... христианский динамит... Благая, «гуманная» миссия христианства! Вырастить из *humanitas* (Человечество (лат.))⁶² противоречие самому себе, искусство самооскопления, волю к лжи любой ценою, отвращение ко всем благим и пристойным инстинктам, презрение к ним! Вот вам гуманная миссия!.. Паразитизм — единственная манера поведения; чахоточные идеалы «святости» и высасывание крови до последней капли, с которой уходит вся любовь, вся надежда; «мир иной» — воля к отрицанию всякой реальности; крест — опознавательный знак подпольного, самого подпольного заговора, какой когда-либо существовал,— заговора против здоровья, красоты и стройности, смелости, ума и духа, против душевной доброты, против самой жизни...

Это вечное обвинение напишу на всех стенах, напишу всюду, где только есть стены,— у меня буквы, от которых прозреют и слепцы... Именую христианство одним сплошным великим проклятием, одной-единственной порчей, одним сплошным инстинктом мщения, для которого нет средств слишком мелких, тайных, ядовитых, слишком подпольных; именую христианство единственным несмываемым позорным пятном на теле человечества...

А мы-то ведем летосчисление по *dies nefastus* (Неблагой день (лат.)), с которого началась вся фатальность,— по первому дню христианства!.. Отчего же не по его последнему дню?.. Отчего не по сегодняшнему?.. Переоценка всех ценностей!..

⁶² *Humanitas* — латинский термин, имеющий два основных значения. В значении «человеческая природа», «человеческое достоинство», «человеколюбие» он стал источником новоевропейского понятия «гуманизм». В другом значении — «образованность», «духовная культура», «утонченность вкуса», «изысканность речи» — он породил наши «гуманитарные науки» («гуманитарий» совсем не обязательно «гуманист»). Ницше обыгрывает многозначность данного термина, указывая и на «бескультурие» христианства, и на его «противочеловечность».